

Кира

Пиксельный паладин

Кира

Пиксельный паладин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69489475

SelfPub; 2024

Аннотация

Самая обычная девушка по имени – Ева, в самый обычный день, случайно встретила самого обычного молодого человека. Только история эта не о том, как кто-то жил долго и счастливо. А, о том, как именно из-за этой встречи, она оказалась втянута в историю с исчезновением людей, более чем двадцатипятилетней давности. О невероятной квантовой технологии, позволяющей говорить с жившими в прошлом людьми и даже, частично, влиять на их мысли и странной, все время меняющейся смс, пришедшей с номера недавно пропавшей подруги.

Содержание

Иное	4
Призрак человечности	47
Демонология для начинающих	71
Глава 4. Пиксельный паладин	90
Глава 5. Демон-фея-крестная	118

Кира

Пиксельный паладин

Иное

Как бороться с тем, кто умнее тебя? Хитрее? Опытнее? Соображает быстрее? И всегда на шаг впереди? С тем, кому можно проиграть еще до начала игры? Сон разума рождает чудовищ, так оно и есть. Только – эти чудовища вполне реальны, они среди нас. Их не увидеть, если они сами этого не захотят. Вы не запомните, что говорили с ними. Не сможете вспомнить, что делали и делали ли. В памяти останется только то, что вам разрешат запомнить. Даже, если вы о них знаете, то только потому, что кому-то так надо. С вами решили поиграть, не просто так, разумеется. Только цель этой игры – вам не известна и правил вы не знаете.

Может, где-то, когда-то, кто-то решил, что вы настолько малозначимы, что то, что вы там знаете, а чего нет – просто не представляет угрозы. Вы просто человек, который сам по себе изменить ни чего не может. Ведь расскажи вы то, что знаете – вам ни кто не поверит. Ева бы то же – не поверила, если бы ей кто-то сказал, что в куче бредятины, вроде теорий заговора – все-таки есть какой-то смысл.

Первая ли это была их встреча или первая, которую она

запомнила. Дрожание от промозглого, осеннего ветерка ветви деревьев, рябь на поверхности лужи, которую пришлось обходить, запах сдобы из ближайшей кафешки. Уютный скверик: дети катались на велосипедах. Сидящий на скамейке мужчина уткнулся в газету, на другой скамейке сидели несколько молодых ребят, смотря в телефоны, лишь изредка обменивались пустыми, ни чего не значащими фразами. Вдоль дорожки прогуливался молодой человек, без конца поправляющий наушник и каждую секунду спрашивающий слышит ли его собеседник.

Ева достала из сумочки телефон, включила диктофон. Раз уж дома она ни чего дельного придумать не может. Совет она прочитала в какой-то статье, если коротко, то, примерно, так: отправиться в какое-нибудь место – поживописнее, понаблюдать за людьми, делать памятки. В телефоне уже заканчивалась память и большинство этих записей она так и не прослушала.

Девушка присела на скамейку, рядом с оставленной кем-то книгой. Кто-то еще читает книги? Ни в электронном формате, бумажные книги. Это же – почти раритет. Оглянувшись по сторонам, девушка взяла книгу в руки: красивая обложка, мудреное, научное название, а внутри – обычное бульварное чтиво. Конспирация.

– Так вот где я оставил... кхе – учебник, – раздался прямо над ухом мужской голос.

Молодой парень, симпатичный, не совсем в ее вкусе.

Какой-то ушастый, излишне худощавый и совершенно не складный.

– Простите, – девушка протянула ему книгу, рассчитывая, что тот просто сейчас уйдет.

– Не желаете пройтись? – вдруг спросил он. Уже потом Ева поймет, что по какой-то причине почти не помнит о чем они говорили. А, фактическое время и время записи на диктофоне – отличаются. Кажется, что где-то она помнит больше, чем было на записи, при этом на паузу она точно не нажимала, она просто забыла про включенный диктофон.

Странный он – этот парень, да и вел себя как-то не совсем обычно. Как будто они когда-то уже встречались или просто манера такая? И с записью на диктофоне не понятно как-то. По времени прошло полтора часа, а записи – около получаса. В телефоне памяти бы хватило, дело не в этом. Она выключила диктофон, когда он ушел. Она не нажимала на паузу, не выключала диктофон, тогда в чем дело? О чем они разговаривали – она помнит очень смутно. Вроде бы ни чего такого: прошлись вдоль аллеи, постояли вон там, затем пошли в кафе. Если бы у нее не было диктофона, она бы и не заметила несоответствия. Ну, не помнит она дословно – о чем они говорили, вроде бы то же ни чего такого. Утром она часа пол болтала с соседкой, сейчас то же не может вспомнить, о чем конкретно они говорили – так, ни о чем, просто болтали.

Но, вот с этим, незнакомым парнем – просто болтали, звучит как-то подозрительно. И, Ева вовсе не из тех, кто вот

так вот запросто – знакомится с кем-то. Для этого она просто слишком скромная и подозрительная. И, в кафе, вот так сразу, с малознакомым молодым человеком она бы то же не пошла, как-то это слишком.

Да, почему она не может вспомнить о чем они говорили, только то, что на записи диктофона и то, помнит она это смутно, как сквозь туман. Кто он такой? Пожалуй, стоит держаться от него подальше.

Она только недавно читала историю одной девушки, которая выйдя с собеседования, вдруг обнаружила, что собеседование длилось намного дольше, чем она помнит и из ее жизни куда-то испарились несколько часов. При этом она не помнит: где была и что делала. Звучит как полная ерунда – еще пару дней назад Ева так и думала.

На следующий же день Ева пришла к тому же кафе, сама не особо понимая почему. Парень симпатичный, но не в ее вкусе и слишком странный какой-то. Вчера она, вроде бы, решила держаться от него подальше, а что сегодня? А, сегодня она даже не знает, что делать, если вдруг его встретит? Он ей интересен? По всей видимости – да. Хотела бы она как-то продолжить знакомство? Вот на этот вопрос – уже не так легко ответить. Возможно – нет. Зачем тогда пришла? На этот вопрос она и сама бы хотела знать ответ.

Было в нем что-то такое: притягательное и пугающее одновременно. Да и нет гарантии, что она его сейчас встретит и о встрече они не договаривались, так что – если это про-

изойдет, то совершенно случайно. И, она за этим гипнотизеро-шпионом вовсе не думала...

– Вы за мной следите? – спросил тот самый гипнотезеро-шпион и присел рядом с ней.

Положение казалось настолько глупым, что на мгновение Ева даже растерялась: – Если бы вы пошли куда-то по своим делам, как вам и полагалось – то знали бы наверняка, а не задавали здесь глупые вопросы, – вроде бы, даже прозвучало вполне логично. Правда, теперь ей и самой не совсем понятно – следит она за ним или нет. Захотелось встать и уйти, но это бы уж совсем глупо выглядело.

– Да, я помочь вам решил, – хмыкнул в ответ парень. – Вон видите машина? – он махнул рукой в сторону стоянки. – Это моя, из нее следить за какими-то моими делами было бы легче.

Ева с удивлением взглянула на него – наглец какой: – Вон, видите балкон, пентхаус?

– Сейчас вы скажете, что это ваш?

– Даже не думала, – отмахнулась Ева. – Просто мне прямо пофиг: на этот балкон, на пентхаус и на какую-то машину, которая под ним стоит.

– Такие заявления невозможно игнорировать, – ответил парень. – Я вынужден предложить вам стать моей любовницей.

Ева поперхнулась чаем, внутренняя феминистка пришла в степень крайнего негодования и уже подбивала ее к члено-

вредительству: – Это уже сексизм какой-то! – фыркнула девушка. – Вы предлагаете стать вашей любовницей только на основании того, что я девушка? – «Блин, да что я, в общем, несу?» – ужаснулась сама себе Ева. Ни чего более умного ей в голову не приходило, а замолчать на этом было уже не в ее власти. – А, если вам кто-нибудь предложит «стать любовницей»? Вот, прямо так же: вон, моя машина, будь моей любовницей!

– Я согласен, – кивнул парень.

Ева какое-то время с подозрением на него смотрела, именно этот сценарий развития событий она – как-то не продумала. Хитрый какой... да и зачем ей любовница? Что теперь делать?

– Дорогой, давай куда-нибудь сходим, – улыбаясь, на женский манер протянул парень.

– Я это... – Ева потерла подбородок, – не побрился, что ли.

Обычно реплик, которые она говорила до этого хватало, что бы избавиться от назойливого внимания различных прилипал. Или хотя бы свести все к шутке и спешно ретироваться. А, этот, как-то додумался ей подыграть, да так, что Ева перестала понимать как вести себя в сложившейся ситуации. Внутренняя феминистка ликовала, очевидно, то же не особо понимая, что делать дальше.

– Заглянешь ко мне на часочек? Можно подумать я небритых мужиков не видела, – продолжал издеваться над ней па-

рень.

– Да, ты – разгульная женщина! – шикнула Ева. – Где это ты на мужиков насмотрелась? Так и знал! Только и делаешь, что на других мужиков пялишься! И, деньги из меня тянешь! На работу иди, устройся! Хватит у меня на шее сидеть и подарки выклянчивать! – запомнить на будущее, если рядом этот парень – не слушать феминистку. Ева встала и расплачившись, быстрым шагом дошла до угла здания.

– Ты не можешь просто уйти! – тот парень схватил ее плечи. Она даже не поняла, как и откуда он появлялся. Ева отшатнулась в сторону, но рядом с ней ни кого не было. Девушка вернулась назад и осторожно выглянула из-за угла.

– Дорогой! – улыбнувшись, парень помахал ей рукой, сидел он на том же месте, спокойно попивая чай. – Хватит быть такой букой! Пойдем, погуляем.

– Не можешь уйти! – на мгновение рядом с ней, словно появилась его тень. Что за черт? Еще раз убедившись, что тот парень так там и сидит, Ева резко развернулась, случайно натолкнулась на какого-то прохожего. Извинилась и побежала прочь.

Пока она дошла до дома, ей казалось, что она видела его еще как минимум несколько раз. Да, что за ерунда? Кто он такой? Действительно гипнотизер какой-то что ли? Шпион? Инопланетянин? Что ему от нее надо? Как будто в этой истории и так странностей не хватало.

Оказалось, что она где-то посеяла диктофон, то ли в кафе

забыла, то ли во время пробежки из кармана выпал. В любом случае, едва ли она сумеет его найти. Да, и из дома теперь выходить что-то не тянет. Абсолютно новый диктофон, который она только накануне купила, что бы не забивать память в телефоне. Отлично, оно того явно стоило.

Девушка подошла к двери, прислушалась. То ли ей показалось, то ли действительно в подъезд за ней зашел мужчина похожий на того парня. Или теперь он везде ей будет мерещиться? Как его зовут хоть? Что-то она не может вспомнить. За спиной словно проскользнула тень, едва уловимое, мимолетное движение.

– Да, что ты ко мне пристал? – со злостью крикнула Ева. Глупо, конечно, понятно ведь, что здесь ни кого нет.

Хотите, расскажу, как меняется психика, как доброе становится злым? Я видел много фильмов с различными вариациями на данную тему. Иногда забавными, грустными, излишне упрощенными, слишком сложными, похожими на мой случай или совершенно другими. На самом деле – все довольно просто.

Одиночество – это не тогда, когда, вы жалуетесь кому-то, что вам не с кем поговорить. Если вы действительно одиноки – вам не кому жаловаться на одиночество. Мне было не кому жаловаться.

Однажды я понял, я не был одинок – я был один, так долго, что перестал себе врать. Да, да я перестал врать именно

по той причине, что врать было просто не кому, а сам я, на тот момент, от собственной лжи устал. Устал говорить себе, что все будет хорошо. Нет, не будет и ни когда не было. Устал питать надежды однажды выйти оттуда. Видимо, не выйду ни когда. Откуда именно: «оттуда» – то же не совсем понятно. Я не знал, где находился и не помнил ни чего о жизни вне этих стен. Я устал ждать, что произойдет: чудо, знака, да хоть чего-нибудь уже. Мой мир – моя темница и тут ни чего не происходит. Я устал молиться невидимому Богу в пустоту вселенной намного раньше, чем понял, что там то же ни чего нет.

Со временем я утратил последние крупницы веры хоть во что-то. Бога нет, человечество – да не существует ни какого человечества. Существою ли я, если меня ни кто не слышит и не видит – то же вопрос.

Я устал врать сам себе, что когда-то у меня была семья, может быть, самая обычная, такая же, как у всех. На самом деле я этого – не знаю, может, у меня и не было ни какой семьи. Может, я всегда был один?

Расстаться с этой мыслью было тяжелее всего. Глупые иллюзии о некогда потерянном семейном счастье отогревали душу в самые тяжелые моменты. Вера, может, не в Бога, но во что-то высшее – придавала сил. Надежда однажды обрести свободу – заставляла жить и врать, самому себе.

Однажды я перестал врать, просто устал. Устал быть один и еще не представлял, насколько сильно эта «ломка одиноче-

ством» может изменить психику. Не знал, что видимо, именно в тот момент лишился того, во что даже не верил – своей души, если она у меня, когда-нибудь была, конечно. Не знал, что потерял способность искренне радоваться чему-либо, возможно, навсегда.

И, так же искренне, возненавидел ложь, не важно, какую: ложь, есть ложь. Я столько лет цеплялся за глупые иллюзии, которые теперь ненавидел. Сколько лет прошло я то же не знал, в помещении, где не было окон, каждое мгновение тянулось вечность. Я старался соблюдать примерно одинаковый режим, что бы была хоть какая-то возможность отсчитывать время, иногда я считал «дни», иногда нет. В общем, на самом деле я не знаю сколько времени там провел.

Признать правду было очень не просто – ведь те иллюзии, это все что у меня было. Я буквально физически чувствовал эту психическую ломку, наблюдал, как одни ценности меняются на другие, как во мне начинает проявляться нетерпимость даже к собственной лжи, хотя, само по себе, это и не прибавило любви к правде.

Я всегда считал себя слабым, на самом деле не знаю почему, может, потому что оказался здесь. Хоть я не знаю, как это произошло и, быть может, моей вины в том даже нет. Теперь мне была нестерпима мысль о «ломке одиночеством», о лжи других людей. Которые, конечно, сильнее меня, но почему-то не могут найти в себе силы перестать отрицать правду.

Думаете, дальше мне стало легче? Нет. В аду это – только

начало. Дальше была боль: физическая и моральная. Долгие годы (как я полагаю) до этого я не видел ни одной живой души, а увидев – не обрадовался. Появились «палачи» – в их обязанности входило только одно, сделать так, что бы боль не проходила, ни когда. На это у них ушло меньше времени, чем на «ломку одиночеством», но мне так не казалось. Они постоянно зачем-то говорили, что не желают мне зла, не желают моей боли. Иногда, это – помогало. Потом я понял что мне, в общем-то, нет разницы – по какой такой причине они заставляют меня страдать. Тому, кто страдает, нет разницы – желает ли этого палач.

Хотя, позже, я, кажется, начал понимать. Мучимый бесконечной болью я возжелал лишь одного – что бы они пережили то же самое, не из зла или желания мести. Я не желал им пережить то, чего не переживал сам. Я лишь желал, что бы и они меня поняли. Это – ломка болью. Этому нет оправдания. Я помню, как слезы против воли катились по щекам, а в ответ на мольбы и просьбы я слышал лишь одно: что они этого на самом деле не хотят. Тогда я считал их просто лицемерными тварями, хотя, позже, вроде бы и здесь начал понимать – люди не всегда делают то, что им хочется. Однако, сие не умоляет их вины.

Злость и проклятья ни к чему не приводили, даже ненависть со временем угасла, звучит странно, но на самом деле – так и было. Ненависть пожирает очень много сил, а их у меня тогда и так не было. Ненависть, амбиции, злость – все

это лишнее, все это не помогает.

Мое восприятие начало меняться, как я уже тогда предполагал – не в лучшую сторону. Но, менялось оно не от пережитой боли, а от бездействия других людей. Когда люди знают, что ты страдаешь, осознают, слышат твои крики и проклятья, смеют заверять тебя, что вовсе не хотят этого и ни чего не делают, что бы помочь. Вот это – на самом деле ломает психику. Тогда мне казалось, что я уже ни когда не поверю, в то, что мир на самом деле не такой, каким я привык его воспринимать, в то, что где-то есть нормальные люди. Нет ни каких людей, это просто очередная ложь.

Однажды «палачи» перестали появляться. Хотелось бы, конечно, верить, что все они издохли, но, думаю, что дело – все же не в этом. А, у меня появился собеседник – впервые, за все эти время, кого-то посадили в соседний каземат. Я столько времени мечтал – просто с кем-то поговорить, не думал, что это окажется так сложно. Годы, проведенные в тишине и отсутствие навыков общения, давали о себе знать. Мне хотелось поговорить с ним так о многом, но я совершенно не знал, что сказать.

Он то же не помнил, как оказался «здесь» и где это «здесь». Но, в отличие от меня у него сохранились кое какие воспоминания о жизни вовне. Благодаря которым он сумел сохранить то, что я давно утратил.

На самом деле, общались мы довольно мало. Я не хотел придаваться глупым иллюзиям, не желал вспоминать о боли

или «ломке одиночеством», не смог поверить в то, что он такой же как и я, а не один из палачей, что в принципе, то же могло быть. В соседних казематах ни когда ни кого не было, с чего бы вдруг, они туда кого-то посадили? Это – какая-то, очередная, пытка, смысл которой мне пока просто не ясен. Не стоит рассчитывать, что мы вдруг, станем друзьями на всю жизнь. Здесь «вдруг» ни чего не происходит.

И, в общем, странно, что он – не такой, как я. Не ужели всего несколько воспоминаний о «другой» жизни, способны так сильно повлиять? Что даже пытки не сломали в нем волю к жизни? Не превратили его во что-то столь же бездушное, как и я. Но, у меня не было воспоминаний о жизни вне темницы. Все, что я помнил о своей жизни, находится здесь, в этом каземате, ни чего другого я ни когда не видел.

Примерно тут мне и стало понятно: либо это – какой-то дурацкий, слишком затянувшийся эксперимент. Либо они делают это специально: держат нас здесь, теперь я хотя бы знал, ладно, предполагал, что я не один такой. Стремятся вырастить кого-то? Хладнокровных монстров с какими-то определенными наборами характеристик? Кто здесь монстр еще вопрос и зачем и кому это нужно, то же не совсем понятно.

И, все же, в моей покореженной, мертвой душе, начали возрождаться прежние чувства. Этот парень, он ни когда не был абсолютно одинок, как я. У него всегда были собеседники. Он почти не пережил той же «ломки одиночеством»,

в его душе сохранилась надежда. И, я считал его куда счастливее, чем я сам. И, даже против воли начал задумываться – быть может, те «глупые иллюзии» испытывать их нормально для человека? Может, и я больше не буду один? Мы начали больше общаться.

Однажды он перестал отвечать, я не знаю почему. Погиб во время очередной пытки? В общем-то, с этим связаны самые паршивые минуты моей жизни, когда ты слышишь крики того, кому очень хотелось бы помочь, но нет возможности.

Сломался под гнетом ненависти? В этом месте это проще, чем кажется. Его перевели куда-то в другой каземат? Или его даже ни когда и не было? А, там просто сидел палач? Ведь я ни когда не исключал такой возможности. Они же там, видимо, считают, что мне недостаточно плохо.

Не знаю, сколько я просидел просто глядя в стену: день, неделю, больше? Я не хотел есть, не хотел пить, не хотел даже двигаться – все казалось лишненным всякого смысла. Зачем мне продолжать свое унылое существование, если в нем нет надежды когда-нибудь покинуть это место? Я слишком устал быть один, устал от постоянной боли, палачей и всего этого кошмара.

Видимо, я просидел так достаточно долго, раз уж соизволили явиться палачи. По крайней мере, пару раз еду им в меня пришлось просто впихивать, потом я начал есть сам. Потому, что не хотел видеть этих тварей, а не по какой-либо

другой причине.

Отчаяние, оно и раньше периодически накатывало, но не так сильно. Я привык быть один и раньше мое одиночество меня особо не беспокоило. Когда человек убежден в том, что он один – то одиночество перестает быть мукой, просто неизбежность. Так я воспринимал жизнь раньше, но теперь все изменилось. Тот парень, который, как и я не помнил собственного имени и ни когда не знал что такое абсолютное одиночество – все изменил. Я больше не мог быть один. Проклятый ад вечного одиночества должен же когда-то закончиться?

«Ломка отчаянием» довольно быстро сменилась «ломкой неизвестностью». Раньше это то же меня не особо волновало. Мне просто не о ком было переживать. У меня не было ни семьи, ни друзей, ни знакомых – только я. Зато было теперь, даже если он один из палачей, ведь я наверняка этого не знаю. И, если честно, предпочел бы не знать.

Так во мне зародилось вечное презрение ко всему живому. Я считал это чувство неправильным и раньше как-то справлялся, мне помогали «глупые иллюзии», не менее глупые поиски какого-то смысла и какие-никакие моральные устои, собственный взгляд на то, что я считал правильным, а что нет. Но, в этот раз оно победило. Я понимал, что это – навсегда. Изжить в себе презрение – невероятно сложно, да и ради чего? Если человечество – это кучка палачей, то они этого заслуживают. Есть другие люди? Не знаю, не видел...

Может, я их ненавижу, но они не достойны ненависти или злости, а вот презрение вполне заслужили. Мне вновь стала невыносима мысль, что палачи вовсе не жили, так как я. Не знают, что такое «ломка одиночеством», ни когда не проходящая боль, отчаяние и неизвестность. Что после этого кошмара они возвращаются к себе домой, к своей семье, своим друзьям. Целуют своих жен и детей, ложатся спать у себя дома, просыпаются, готовят еду, отмечают праздники, ездят куда-то на выходные. И, ведут себя, как ни в чем не бывало. Они не хотят моей боли – ну, да, конечно...

А, что есть у меня, кроме презрения и одного единственного собеседника, который, может быть, мертв? Ни чего. Нет семьи, может, ни когда и не было, нет друзей, может, ни когда не будет. Чем они заслужили свои нормальные жизни? Почему и зачем так стремятся отобрать самую возможность какой-либо жизни у меня?

Если я отсюда когда-нибудь выйду, палачи сами познают все те прелести жизни, что так давно знакомы мне, конечно, не ради мести, а просто для того, что бы понимали. Осталось понять, как отсюда выйти.

Понимаю, что это глупо, но начал себя корить за то, что разговаривал с тем парнем. Ведь, если бы я с ним просто не говорил, сейчас мои мучения были бы куда как меньше. Решено, если у меня вновь появится собеседник, когда-нибудь, просто не стану с ним разговаривать.

Начал замечать какую-то тень, с прочеловеческими очер-

таниями. Наконец-то у меня поехала крыша. Что ж я знал, что это когда-нибудь настанет, хрупкая человеческая психика не может выдержать такой жизни. Я знал, что это однажды произойдет – я не выдержу одиночества или боли, знал и был этому рад. Все равно лучше, чем вечное осознание боли, да и опять же – хоть собеседник появился...

Мое состояние ухудшалось с каждым днем, сознание проваливалось в какой-то бред, в котором я слышал голоса, перед мысленным взором появлялось и пропадало бесчисленное множество, кажется, ни как не связанных картинок. Иногда, со мной, как будто кто-то разговаривал, но я уже не мог понять реально это или нет.

Кто-то рассказывал мне истории, много, задавал вопросы, загадывал загадки, заставлял думать, делать выводы, связывать одно с другим, вспоминать. Со временем я вернулся в сознание, все реже проваливался в бред. Чертов мир за это время не изменился, я все так же находился в той комнате, ставшей мне темницей, похудел. Не знаю, являлись ли палачи, ведь с кем-то я разговаривал.

Тень никуда не делась, я еще не верил, но знал, что это – реально. Я знал его историю, его имя, знал многое чего не знал раньше и чего не мог знать сам по себе, знал чего он хочет. Ну, либо это какой-то фокус... чего то же нельзя исключать.

Я провел в аду каждый день своей жизни, какой-то там тени – не напугать меня и не убедить. Тень говорила, что

это дурацкий эксперимент, продолжение другого дурацкого эксперимента, по созданию кучи управляемых психопатов, истово преданных какому-то социофобу, по другому от сюда не выйти. Если эксперимент завершится – то, так оно и будет. Но, вскоре все может измениться.

Я без конца разгадывал загадки, думал и ждал, ждал против собственной воли. Если вам кто-то говорит, что вскоре все изменится, то вы все равно будете этого ждать, даже, если не желаете изменений. А, я уже не знал чего желал, я просто провел здесь слишком много времени и окончательно перестал верить.

Теперь каждый момент моей жизни превратился в «ломку ожиданием». Это точно выходки палачей, да переживут они то же самое! Я даже толком не понимал чего жду. За все время, что я здесь провел – тут ни чего не происходило, а я большинство времени был предоставлен сам себе в обществе самого себя, я даже ни с кем не говорил – ведь говорить было не с кем.

Усталость от всего этого вновь начала набирать обороты, с каждым днем становилось все тяжелее найти причину, что бы чего-то ждать, что бы жить. Есть ли во всем этом хоть какой-то смысл? Иногда я считал что тень – лишь плод собственного воображения, иногда, что оно вполне реально. История, которую он мне рассказывал, была подозрительно похожа на мою. Может, это – моя история? Может, я просто сам придумал эти грядущие, будущие изменения, что бы найти

причину? Если бы у меня была хоть какая-то возможность это понять?

Каждый раз, когда сознание начинало скатываться в состояние бреда – на меня сыпалась череда загадок и непонятно кем заданных вопросов. На передний план вновь вырывались любопытство и желание хоть как-то разобраться в происходящем. И, каждый раз я искренне надеялся, что в следующий раз это не поможет.

Тень продолжала говорить, что вскоре все изменится и каждый следующий момент превращался в пытку в настоящем. Я презирал тень уже ни чуть ни меньше, чем палачей, хотя иногда и задавался вопросом: может, он здесь узник? А, я для него – лишь собеседник? Ну, если так, то ему до меня совершенно нет ни какого дела, как и до того страдаю я или нет. Как, в общем, можно держать тень или призрака, демона, кто он там такой, в тюрьме? Да, ни как. Почему он здесь находится? Это – плод моего воображения? Фокус палачей? Должно же быть какое-то логическое объяснение.

Однажды я услышал скрип двери и шаги, даже не шаги – как будто бег? Ни когда такого не было. Палачи ни когда ни куда не спешили, куда им спешить? В их распоряжении вечность времени заключенных.

Затем какой-то шум, возня. Кажется, дверь была открыта? Что это? Новая пытка? Даже не представляю, сколько времени я просто смотрел на приоткрытую дверь и не мог понять, что делать дальше. Раньше я бы без раздумий выска-

чил в коридор и бежал отсюда без остановки, но сейчас... я слишком устал от всего этого. Если это какая-то попытка побега, захват, я не знаю – шутка или план палачей, то пусть меня лучше убьют, я не желаю возвращаться к своему одиночеству, для меня здесь каждый день – пытка.

Сколько я здесь провел? Год? Десять лет? Больше? Дверь всегда была закрыта, а я ни разу не выходил из камеры. Помню, как осторожно подошел к двери пытаюсь понять – уж не мерещится ли мне это? Нет, дверь была открыта, я видел тюремный коридор, другие камеры, окна под потолком и небо сквозь них. Помню, как едва не заплакал, но тогда сумел сдержать эмоции. Это – еще не свобода. Просто я и не думал уже, что когда-нибудь увижу хоть что-то кроме стен своей темницы.

Крики и выстрелы где-то в стороне вернули меня к реальности, включилась тревога. Я это не придумал? Это не бред и мне это не мерещится? Я вышел из камеры, все еще не особо понимая, что делать. Понятия не имею где здесь выход. По коридору пробежало несколько заключенных, одетых так же, как и я, за одним из них словно следовал призрак, полупрозрачная фигура, не такая темная, как моя тень. Наверное, я все-таки наконец-то сбрендил. Если они такие же, как и я – то они то же понятия не имеют куда идти.

Оглянулся по сторонам, пошел за ними. Не знаю, куда они делись, как в воздухе растворились, может, услышав шум, успели спрятаться в одной из камер. К развилке коридора я

как-то вышел один. Услышав приближающиеся шаги, вжался в угол. Кто бы там ни был – пусть он меня не заметит. Мужчина в бронежилете и с оружием осторожно выглянул из-за угла.

– Да, куда, в общем, делись все эти ублюдки? – прошептал он и прошел мимо меня. Он меня действительно не видел или это часть шоу какая-то? Я уже собирался осторожно продвигаться к виднеющейся в конце коридора двери, как откуда-то появился еще один заключенный.

– К стене! Руки! Руки, я сказал!

– Ладно, ладно – не кипятись! – ответил парень, развернувшись к стене, но смотрел при этом он на меня. – Я и не думал, что смогу сбежать и проблемы мне не нужны.

Возле него появлялись и исчезали полупрозрачные фигуры. Может, это здесь у всех заключенных? Да, я даже во всю эту ахинею не верю.

– Куда ты все время смотришь? – охранник на мгновение повернул голову в сторону. Парень резко развернулся и попытался выбить у него оружие.

Не знаю, что на меня нашло в этот момент, в общем-то, я ни чего такого делать не собирался. Я пнул охранника под колени и навалился сверху всем весом. Я же в жизни ни когда не дрался и даже считал себя пацифистом, только сейчас было не до этого. Оружие оказалось у того парня. Вместе мы закрыли охранника в одной из камер.

– Ух, спасибо, бро, – прошептал тот. – Лучше сдохнуть,

чем вернуться в камеру.

Тут я его понимал: – Еще раз меня так назовешь, я тебя сам прибую.

– А, ты помнишь свое имя?

– Нет, – честно ответил я.

– Вот и я своего не помню, – с секунду помедлив, ответил тот. Вот, он сам-то понимает, что сейчас не до этого? Я побежал к двери, на лестничной площадке наткнулся на тело другого охранника, борясь с подступающей тошнотой перепрыгнул через перила, и тут меня чуть не сбила поднимающаяся вверх девушка, судя по одежде, то же из заключенных. Здесь были девушки? Или это, все-таки парень? Нет, девушка. Когда она заговорила – я понял, что это она была в соседней камере. Каким же идиотом надо быть, что бы не понять, что я разговаривал с девушкой? Ну, правда говорила она так, что я честно думал, что там просто подросток. Она отпихнула меня в сторону, пронеслась мимо того парня и чертыхнувшись, остановилась возле тела охранника.

По лестнице поднимался кто-то еще: – Стой, где стоишь! – парень схватился за оружие, может зря, но... если кто-то организовал побег – то побег этот какой-то странный. Хотя, что я могу знать о побеге?

– Идите быстрее! Нужно уходить! Еще немного и эти уроды будут здесь, – дальше помню, как в тумане: страх, неуверенность, неверие – я так и не смог поверить в то, что кто-то захотел помочь. Ведь за столько лет я так и не дождался

ни от кого помощи.

Следующее, что я помню, как мне со словами: «Переодевайтесь!» сунули пакет с одеждой. Мешковатые, потертые джинсы и такой же мешковатый, безразмерный свитер. Одежда, в которой ходят обычные люди? Будь у меня выбор – я бы так не одевался.

Заключенных в «тюрьме» оказалось не так уж много, все выглядели примерно на один возраст, кроме девушки – она выглядела моложе.

Нападавших – всего несколько человек, как-то все это не реально. Не знаю, как обычно происходит побег, но, навряд ли так. Может, это – просто часть игры? Какая-то следующая фаза?

Нас рассадили на автобусы, которые разъезжались в разных направлениях и сказали, что встретят. Так это или нет – я решил не проверять, не знаю, как другие. Но, моя жизнь превратилась в кошмар, как будто я и так мало пережил.

Видимо, я оказался в заточении еще ребенком или подростком и мои представления о людях и человечестве в целом оказались какими-то излишне идеализированными. Например, я почему-то решил, что люди мне, естественно, сразу же помогут. Нет, не помогли и даже не собирались. Оказалось, что всем все равно, а в полицию можно было и вовсе не обращаться. Толку-то от них? Коротко стриженная полная женщина-следователь, сказала, что раз я чего-то там не помню, то это, в общем, не проблема полиции. Проверять,

что за бред, пор какую-то тюрьму я здесь несу – они даже не намеренны. А, та земля, в общем, в собственности родственника кого-то из полицейских, а на родственников полицейских они заявлений не принимают. Я и сам своим ушам не поверил, но на самом деле так и было.

В ту пору я еще верил в полицию и понятия не имел, куда обращаться с жалобами уже на самих полицейских.

Ее еще более пухленькая напарница постоянно куда-то бегала, а когда сидела в кабинете, то и вовсе, кажется, надо мной издевалась. Помогать мне или что либо делать они не собирались. Зато я наслушался, какой у них хороший город, в котором совсем нет преступности, кажется, о преступности я кое что понял...

Это им хорошо, закончится рабочий день и они вернуться к своим нормальным, обычным семьям, друзьям, детям. Вся эта ерунда – их совершенно не касается, они же не были на моем месте, а свое занимают и вовсе не понятно зачем, хотя... как раз понятно.

Пришлось утраиваться на работу, неофициально, конечно, зато с комнатой в общежитии. Для меня работа оказалась невероятно тяжелой – я же привык, просто сидеть на месте. Мышцы не были приспособлены к какой-либо нагрузке. Первое время жутко страдал: таскал с собой эластичные бинты и буквально жил на таблетках и мазях. Так полетели месяцы не прекращающейся и на секунду боли.

Смотрел на других: родственники, друзья, поддержка –

все то, чего у меня, может быть, ни когда и не было. Мне же просто нужно жилье, нужна еда, нужно ходить на работу. А, ходить я не привык, в общем. После, даже относительно небольшой нагрузки все тело адски болело, я постоянно чувствовал боль, при каждом шаге, каждом движении. Не особо лучше заключения.

Поначалу я еще боялся, что меня могут найти те, от кого я сбежал или те, кто помог сбежать – тут не знаешь, что хуже. Но, ни кто не пришел и не пытался как-то со мной связаться, я оказался предоставлен сам себе, то есть – как обычно один.

В остальном – не так уж плохо, не понятно, что все жалуются, ну, кроме того, что работу я нашел действительно тяжелую. Я жил в каземате и не привык к каким-то благам. Поэтому от и без того не великой зарплаты, умудрялся даже что-то оставлять. Я не сидел в запрети и мог в любой момент выйти из дома, люди для которых это – часть обычной жизни, даже не представляют – насколько это ценно само по себе, они способны это понять, только если неожиданно этого лишатся.

Я любил гулять в парке, обычно с какой-нибудь книгой иногда ходил в кино, посещал выставки и различные мероприятия и в какой-то мере, даже был счастлив. У меня не было ни чего, но я считал – что это почти все, что нужно для счастья. Хотя, конечно, хотелось большего: не быть при этом одному.

Вот здесь и начинались сложности. Оказалось, что с мо-

им восприятием, найти себе друзей или девушку не такая уж простая задача. Я не понимал стремления других к материальным ценностям, да, по всей видимости, заключение превратило меня в идиота. Не понимал стремления выпендриться, не понимал зависти – все это время мне было некому завидовать. И многих других чувств.

За то быстро, ну, относительно, понял, что другие только и пытаются разжиться за мой счет, хоть чем, лишь бы на халяву. Кажется, им даже не важно, хороший ты человек или нет. Богатый и влиятельный – будут у тебя друзья, ну, а нет, так нет. Во всяком случае, пока я там работал, друзей себе я что-то то так и не нашел. Другие люди казались мне слишком странными, может, и я им то же. Проведя много времени наедине с собой и возненавидев ложь, как таковую, я не задумываясь говорил правду, очень быстро понял, что люди, которых я считал – просто нормальными к такому не привыкли. Они не переживали той же «ломки одиночеством», не испытали того же отвращения ко лжи. За первые, примерно, полгода на свободе я соврал всего один раз и мне было ну, очень за себя стыдно. Они же вралли по десятку раз на дню и даже зазорным это не считали.

С девушками все обстояло, примерно, так же: я быстро понял, что мне нужна такая, ради которой я сам захотел бы двигаться вперед, что-то делать и чего-то добиться. При своем полном отсутствии амбиций, когда-то они у меня, может, и были – да, давно переломались. А, не такая, которой про-

сто вынь и положи, но я встречал как раз таких. Машина, квартира, деньги – вот, кажется и все их запросы. Ну, это не про всех, конечно...

Тень шаталась где-то рядом, периодически навевая тоску и упорно продолжая загадывать загадки, отгадать, которые было порой не просто. Но, если это на чем-то клинило, то это – на долго. И, я по десятку раз на дню слушал одну и ту же загадку, пока не начинал понимать, как ее решить или где искать ответ. Тогда он загадывал следующую загадку и так далее. В какой-то момент понял, что загадки не так просты и в них начинает прослеживаться какая-то тенденция. Начал бы думать, что сбрендил, но сам бы я до многого не додумался. Периоды, когда я думал, что тень все-таки действительно существует и эти загадки куда-то все-таки ведут, сменялись периодами, когда я был абсолютно уверен, что ни какой тени нет. Загадки, я, по всей видимости, сам себе загадываю, а тень – это просто глюк какой-то, результат покоренной психики и слишком долгого одиночества.

Обратиться по-нормальному к психологу мешало отсутствие денег, и понимание того, что всяческие онлайн консультации – это полная ерунда, что бы получить хоть какой-то нормальный ответ, нужно потратить хоть сколько то денег, а денег у меня нет. Ну, и страх, конечно, что меня все-таки признают ненормальным, я же и сам понимаю, что что-то не так. Вечно загадывающая задки тень и то, что я не испытываю почти половину человеческих чувств – все это яв-

но не совсем нормально.

По хорошему мне должны были помочь еще в полиции, но уже понятно, что помощи от них можно не ждать. Как человек, живший вне общества – я понятия не имел, куда следует обращаться помимо этого. Документы, правда, все-таки как-то получил, тогда я еще считал, что, видимо, так и должно быть, сейчас понимаю, что так, вероятнее всего, кому-то было надо.

Имя, собственного имени я так и не вспомнил, я, в общем, не привык что бы меня как-то называли. Поначалу не отвлекался на имя из документов, оно мне не особо нравилось, к тому же – это, даже не мое имя. С тем же успехом мне могли дать и другое имя, какая разница?

Только спустя какое-то время я начал более менее понимать, как устроено общество. Пытался привлечь к себе хоть какое-то внимание. Жаловался везде – где только мог. Но, отовсюду приходили только отписки и отказы в возбуждении уголовного дела. Это просто старое, давно заброшенное здание, проверка не выявила там следов того, что там кого-либо держали взаперти. Ну, да – я же это сам придумал, кажется, понятно, как мне удалось получить документы...

Обращался в газеты и телепередачи – не получил и вовсе ни какого ответа. Ни откуда. Понял наконец-то, что всем абсолютно все равно. Ни кто и не собирался во всем этом разбираться.

Со временем я начал и что-то вспоминать о своем напрочь

забытом детстве, но воспоминания они были такие: слишком расплывчатые, не совсем понятно реально ли это мои воспоминания или просто какие-то случайные образы? И, я не был уверен, что хочу что-то вспомнить. Или я боюсь, что вдруг выяснится, что у меня и нет ни какой семьи. Или еще хуже, что они все прекрасно знали. Хотя – это глупо, наверно... я ведь уже отлично знаю, что привлечь внимание к чему-то, порой, очень даже важному, не так уж просто. Ни чего так и не добившись – обозлился на всех.

Сколько времени я, сидя в своей тюрьме, думал, что если я вдруг оттуда когда-нибудь выйду, то, разумеется, люди мне помогут и виновные понесут наказание? Наивный дурак... нет ни каких людей. Я все так же один.

Случайно встретился с вором в законе, это мне потом сказали, что случайно встретиться с ними не возможно. Рассказал все, как есть. В ответ узнал, что я еще, видите ли, не родился и меня, в общем, не существует. А, в той тюрьме держали его, оказывается, а ни в коем случае не меня. Ну, тогда: я – король в законе, а он лживый козел. И, зачем эти... нужны, в общем, не понятно. Страдалец, блин, да его там, даже рядом, вероятнее всего, не было. Страдал он, а я, значит, нет? А, я, вот так вот – раз и откуда-то появился. От этих... толку еще меньше, чем от полиции, но и те и другие явно ни чего делать не намеренны.

На работе все то же пошло не очень, я ведь все еще думал, что людей ценят за то, что они из себя на самом деле пред-

ставляют, что делают, а что нет. А, не только по тому, что они о себе говорят. Что ж – выяснилось, что я ошибался, вновь.

Мой дом – полупустая комната, мне было не к кому и некуда спешить с работы. Поэтому, как только мышцы более менее окрепли, я накачал проводить на работе почти все время, работая почти без выходных, по сравнению с этим и жизнь в заточении может показаться не таким уж адом. Я старался вникать в нюансы, прислушиваться к другим, быть вежливым и честным. Сейчас мне и самому кажется, что звучит это так, как будто сбежал я не из тюрьмы а из детского сада.

Когда освободилось место менеджера повысили не меня, хотя я и так выполнял часть этой работы, а того, кто лишь орал, что что-то делает. Я обиделся и ушел, только уже с отличным пониманием того, что если не орать на каждом углу о собственной значимости, то того, что ты действительно что-то делаешь – ни кто и не заметит. На новой работе уже не перерабатывал, не старался ни во что вникать, все это бессмысленно, все равно, при случае повысят не меня, а какого-нибудь: очередного самодовольного, крикливого болвана. Свободное время стал посвящать учебе и каким-никаким занятиям спортом. Раньше я не особо понимал его пользу, ведь я ни чего не делал, ни куда не ходил и большую часть времени был предоставлен сам себе.

Скажу честно – не таким я представлял себе мир людей. В моем полудетском сознании люди представлялись чуть ли не

идеальными существами: честными, справедливыми, правильными, каким, зачем-то, стремился быть и я. Вот, только теперь вдруг оказалось, что я не просто не понимаю других людей и почти не могу с ними общаться, к тому же, кажется, у меня все симптомы аутизма. Может, так и есть? Может, мне просто нужно время, что бы научиться общаться с другими людьми? А, может, и нет ни каких других людей? Ведь по идее мне должны были помочь, если бы люди действительно существовали – то, так бы оно и было. Меня же, всеми силами – просто старались не замечать.

Я перестал обращать внимание на кучу отписок от всевозможных ведомств. Судя по которым в место, где меня незаконно удерживали, чуть ли не каждый день отправлялись прямо таки целые экспедиции от полиции, прокуратуры и прочее. И, все они, разумеется, не могли найти каких-либо доказательств того, что там держали людей. И, видимо, уже задавались вопросом: «нормальный ли я, в общем, раз такое пишу». Нет, не нормальный, в моей жизни ни когда не было ни чего нормального. И, ведь во всех этих жалобах и заявлениях я писал чистую правду.

Дело по моему заявлению в прокуратуру на ту самую женщину полицейского, то же как-то заглохло. Все ограничилось тем, что приехал полковник из УСБ, во всяком случае, он так представился, записал мои показания и все. Ни слуху, ни духу – одни отписки, по поводу того, что проверка не выявила каких-либо нарушений.

И, хваленая свобода слова – со мной даже не попытался связаться ни один журналист, из всех кому я писал. Так что в это я теперь то же не верил, так же как в: полицию, прокуратуру, УСБ и воров в законе. Зачем они все, в общем, нужны? Раз ни чего не делают.

Я впервые начал задумываться над тем, куда делись другие узники той тюрьмы? Их взял в оборот неведомый социофоб устроивший там темницу? Сгинули где-то на просторах абсолютно равнодушной страны? Так же безуспешно пытаются привлечь внимание? Или ни когда и не было ни каких других? И я там был единственным узником? Теперь я уже ни чему не удивлюсь...

Может, если бы я туда сам съездил, то смог бы найти улики? Там ведь были камеры для заключенных, охрана, какое-то оборудование куда-то ведь все это делось? А, может, даже ни куда и не девалось, но ехать туда одному явно не лучшая идея. Вообще, туда ехать явно не лучшая идея. Но и других идей у меня не было. Я слишком устал от всей этой бесконечной лжи. Я, единственный что ли, считаю что врать – не правильно? Для всех остальных ложь, кажется, совершенно обыденным явлением.

Я устал, просто устал. Устал возвращаться домой, где меня ни кто не ждал, устал от кучи лживых отписок и того, что меня ни кто не желает замечать. На самом деле за все это время я себе даже друзей не смог найти, еще один странный парадокс человеческого общества. Если ты всегда, ну, почти

всегда, говоришь правду, стремишься быть добрым и отзывчивым, действительно уважаешь других людей и их мнения, не стремишься что-либо высмеять или над кем-то поиздеваться и поступаешь только так, как считаешь правильным – то ни когда не найдешь друзей. Более того, другие люди, кажется, начинают подозревать, что где-то здесь какой-то подвох – ведь не действительно же ты такой идиот?

И, наоборот: чем меньшим количеством из перечисленных качеств обладает человек, тем легче он заводит знакомства и находит друзей. Я так стремился обрести свободу, но, кажется, все еще нахожусь в тюрьме. Другой, еще более сумасшедшей, только вот, бежать уже не куда. Я и так уже понял, что так будет всегда: едва ли я когда-нибудь смогу завести семью. Для девушек, я – просто какой-то чудик, который, в общем-то, даже толком не знает о чем с ними говорить, поэтому большую часть времени просто помалкивает. Даже хуже – я бедный чудик: без семьи, без дома и крутой машины. Чудик, который даже не понимает смысла этой вечной гонки за материальными ценностями. Чудик, который не может завести себе друзей. Наверное, просто потому, что нет каких-либо точек соприкосновения с интересами и ценностями других людей.

Чудик, без образования, может быть, я смогу куда-нибудь поступить, может быть когда-нибудь встречу и какую-нибудь девушку, которая не будет считать меня таким уж чудиком. Обзаведусь хотя бы несколькими друзьями, может быть... а

может, и нет. Может быть, мне просто не дадут этого сделать, так же, как не дают привлечь внимание.

Наверно, я все-таки аутист, черт, как же надоело все...

Иногда, спасала только тень, со своими загадками, тупое желание, наконец-то понять, в чем здесь дело, иногда, жутко надоедало и это. Ведь я прекрасно знал: тень будет повторять одну и ту же загадку, пока я ее не разгадаю. Иногда, тень редко повторяла свои загадки, иногда – по многу раз на дню.

Сначала меня еще пугали редкие появления тени, чьи-то шаги рядом, непонятные звуки из неоткуда, передвигающиеся сами по себе предметы. Честно сказать, передвигались только небольшие и нетяжелые предметы: пакеты, авторучки и так далее, шевелились провода. Особую любовь тень питал к пакетам – не знаю почему и зачем он то шуршал ими, то в них заглядывал. Один раз пакет пролетел чуть ли не через всю комнату и один раз чуть не бросился на меня, не знаю, что он этим хотел сказать. Но, после этого тень, перестал шелестеть пакетами и начал шевелить провода. Как на зло, в такие моменты, телефона не оказывалось под рукой, и пока я за ним бегал подобные проявления обычно сходили на нет.

Со временем меня перестало это пугать, я начал пытаться уговорить или заставить тень сдвинуть что-нибудь потяжелее, ну, хоть стул, например. Пока безуспешно. Ни один стул с места не сдвинулся, а тень периодически продолжал шевелить мелкие предметы, при чем, как специально выбирая для этого именно те моменты, когда телефона не было

под рукой.

Какие-либо попытки войти с ним в контакт заканчивались ничем. Иногда тень соизволял просто появиться, иногда не делал и этого. Куда вели его загадки мне, пока что, то же было не совсем ясно. Он, как будто, пытался рассказать какую-то историю, но, я, во всяком случае, так же – пока что, ни чего не понимал. Я честно читал все статьи, которые, как мне казалось, были хоть как-то связаны с его загадками. Кажется, он интересовался квантовой физикой, может, и нет, но его загадки часто качались подобных тем. Разобраться в подобном с нуля – тяжело и я потихоньку начал изучать квантовую физику. Иногда, его загадки уходили вглубь веков, заставляя меня изучать историю. Или читать учебники по психологии, экономике и другим предметам. Когда я разгадывал одну загадку – тень просто загадывал другую и так до бесконечности. Сложить ответы во что-то определенное не получалось, а, может, я для этого слишком тупой? Да, что это за призрак такой? Все призраки такие заумные или только этот? Надо добавить, что ни в каких призраков я все еще не верил. Это что-то или кто-то, из этого вовсе не следует, что оно призрак.

Загадки, которые звучали довольно сложно, могли оказаться простыми и наоборот. Со временем я начал немного понимать логику тени. Его логика отличалась от обычной, была более условной, символичной. Большое значение имели цвета, числа, мелкие детали.

Иногда, он указывал на конкретных людей или конкретные даты. Но, ни эти люди, ни даты ни как не были связаны между собой и увязать все это хоть как-то не получалось.

Отличная жизнь: я совершенно не понимаю других людей, а единственный собеседник – швыряющаяся пакетами тень.

Как бы это странно не звучало, допекла меня до поступка, который я совершенно не хотел совершать – соседка. Которая, вдруг начала распускать про меня неадекватные слухи. В частности: говорить, что я постоянно шатаюсь по барам, постоянно шатаюсь пьяным и постоянно привожу домой каких-то сомнительных девиц, что я болен венерическими заболеваниями, о чем ей кто-то там втайне, естественно, поведал.

Мне, вот, совершенно не понятно, какое именно ей дело, до того шатаюсь я по барам или нет? Хочу, шатаюсь – хочу, нет. Обидно, то, что все это – очередная ложь, а ложь я не любил. Ну, да, пару раз я бывал в баре, но пришел к выводу, что там – очень скучно. Спиртное я не люблю, музыка в барах мне не нравится, да и собеседников там найти сложно. Ни каких девиц я, ни куда не приводил – им до меня даже дела нет, я не из тех на кого вешаются девушки.

Очередное обращение в полицию закончилось ничем, полицейским соседка заявила, что ни чего такого обо мне она не говорила и все, ровно на этом расследование и закончилось. А, то, что теперь люди за спиной шептались, что я боль-

ной – полицию, конечно, не интересовало. Да, и не только шептались – уже в открытую говорили.

Обнаглев, соседка начала заявлять, что придет ко мне на работу – рассказать там, что я больной. Отлично, хотя бы появятся доказательства того, что она меня преследует. Как я уже понял, ждать, что у нее появится совесть и она перестанет врать – бесполезно.

Если бы злодеи и лжецы хоть иногда получали по заслугам и имели возможность сами пожить в собственном аду – мир был бы намного лучше. Но, мой кошмар на этом только начался, вскоре поползли слухи – что я оказывается, невероятно богат. Ведь я – сын, внебрачный естественно, какого-то местного авторитетного мафиози. Где-то, во всяком случае, мне неизвестно где, у меня есть богатый загородный дом, где я, то же не знаю зачем, держал в плену какую-то неизвестную тетку, которой лет под восемьдесят, еще и приставал к ней... и теперь, ее, эту неизвестную мне тетку, от меня защищает полиция. Так вот оно, что... оказывается.

И, местные, каким-то образом, во всю эту ахинею, ну, может и не верят, но, явно поддерживают. А, живу я в общаге и работаю на скромном окладе – потому что мне так захотелось, видимо, а не по какой-то другой причине. Да, что в этом городе за ерунда происходит? Если бы у меня тогда была возможность – я бы сразу же уехал отсюда как можно дальше. Адекватных людей там все равно нет, в этом городе, все, как будто специально – наоборот.

Но, перед тем как уехать как можно дальше, нужно, видимо, самому попытаться найти улики. Я уже и так понял, что в этом городишке ни кто делать, ни чего не будет. Нужно съездить в то место где была тюрьма и поискать доказательств, того, что там действительно удерживали людей.

Жаль, что у меня нет друзей, если что-то случится – даже искать ни кто не будет. А, если кто-то и обратится в полицию – понятно, что это ни чего не изменит. Ведь я, как мы помним: больной, богатый сын местного мафиози, может, мне просто, наконец-то надоело притворяться бедным и жить в общаге...

Кажется, я и вовсе не сбежал оттуда, раньше мне было не кому пожаловаться на одиночество, да и теперь ни чего не изменилось. Я все так же один и совершенно не понимаю современного общества.

Наверное, с неделю изучал карты предполагаемой местности: расположение дорог, маршруты автобусов, заброшенные деревни. Может, полицейские действительно искали место-тюрьму, да только совершенно не там. Нашел парочку более-менее подходящих мест. Все, как вернусь – уеду, куда-нибудь, все равно куда, лишь бы отсюда далеко. Уеду, вместе со всеми своими: двумя джинсами, тремя свитерами и аж четыремя футболками. Мне много и не надо, да и амбиций у меня нет – так и не появились, пока. К тому же я искренне считал, что такого гардероба, для мужчины, во всяком случае, более чем достаточно.

Тот день обернулся кошмаром с самого утра: вставая с дивана, я подвернул ногу, пролил на себя чай, в ботинках оказались какие-то камушки, которые не понятно как туда попали, чуть ли не на каждом шагу, что-то сильно кололо в бедро. Пришлось выпить таблетку обезболивающего. Кое-как дотащился до остановки, дальше автобусами с пересадками. Потом пешком, вот тут я начал думать, что, пожалуй, надо было просто остаться дома. Хотя я и провел какое-то время вне камеры – мои мышцы все же не были приспособлены для дальних прогулок. Я привык ходить: с работы, на работу, погулять немного в парке, в кино сходить – в общем, относительно не много. Мог бы и сходить в спортзал? Мог бы, наверно. Просто видеть лишний раз несущих всякую ахинею местных, нет ни какого желания. Я устал постоянно слышать о себе эти гадости. А, что не ходил до всего этого? Не знаю – сначала было некогда, а потом лень.

Кажется, дошел, неплохо сохранившийся для такой глуши забор, тянулся вдоль дороги и обрывался сразу же за поворотом. Едва протоптанная тропинка тянулась через кусты и разруху к виднеющемуся в дали приземистому строению. Я решил, что подойду немного поближе и выберу себе где-нибудь в стороне от тропинки наблюдательный пункт. Надо же понять обитаемо здание или нет. Глупо было переться сюда одному, глупо. Но, просто развернуться и уйти – уже, наверное, поздно. Сколько я потом буду гадать смог бы я сам найти какие-то улики или нет? Я прекрасно осознавал, что могу

и не вернуться, но и такая жизнь – не жизнь. В общем-то, это даже существованием сложно назвать: я просто хожу с работы домой и из дома на работу – и все. Нет семьи, нет друзей, нет смысла, ни чего, только тень, который, прямо-таки с маниакальной назойливостью продолжает загадывать непонятные загадки.

Где-то впереди хрустнула ветка, кажется, по тропинке кто-то шел, в мою сторону. Я нырнул в кусты и спрятался за деревом, прекрасно понимая, что это – дурацкое, крайне ненадёжное укрытие. Но, другого просто не было. Да, и не обязательно же это – по мою душу, может, просто кто-то из местных решил сократить путь через поле и железную дорогу?

Рядом появился тень, честно сказать, я до сих пор даже в его существовании не уверен. Может, я просто сбрендил от одиночества? А, загадки загадываю сам себе, что бы... не знаю, что бы в моей жизни был хоть какой-то смысл. Учитывая, что собрать историю из «ответов» не получалось, наверное, так и есть. Да, и надо окончательно «сбрендить», что бы по собственной воле приехать к собственной тюрьме. Но, и выбора у меня, кажется, нет, ведь местные не жалеют замечать проблемы.

– Да, тише ты! – шикнул кто-то со стороны тропинки.

– Да, ладно, тебе, – хмыкнул в ответ другой. – Здесь на десяток километров ни одной живой души, небось.

– Впереди вроде как тень какая-то проскочила. Жутко-

ва-то здесь...

– Хм, тень, пить меньше надо, – посоветовал другой.

– Говорят, здесь раньше упырей особо опасных из тюрем держали и психопатов, в тайне, конечно. Местные постоянно на каких-то теней жаловались... будто рядом с этим местом, как тени появлялись и чертовщина всякая происходила, а те психи, будто управлять ими умели.

Ствол пистолета практически уперся мне в плечо: – А, вот и один из них, – хмыкнул мужчина, едва заметно кивнув головой в сторону дороги. – И, без глупостей, если что – при-бью.

Черт! Я так внимательно, слушал, что говорит один, что не слышал и не видел, как ко мне подобрался второй.

– Без глупостей! Ты там внимательней смотри! Ему ума хватило одному сюда припереться...

Что дальше произошло – я так и не понял, ведь ни чего такого я делать был не намерен. Гнев внезапно заполнил сознание, я сделал шаг в сторону дороги, затем резко отпрыгнул в сторону. Со стороны дороги раздался выстрел, вскрик: – Слышь, выходи, упырь! Он не один!

Знакомый, кстати, голос. Мужчина на мгновение растерялся, этого времени хватило, я пнул его в колено, почти одновременно выкрутив ему руку, в которой он держал пистолет.

Пришел в себя я уже в машине, сжимал в окровавленных руках, какой-то грязный лоскут ткани.

Парень, тот самый, что когда-то то же был узником, сидел рядом, провел рукой у меня перед лицом и толкнул в плечо: – Очухался, что ли?

– Что? Что произошло? – кажется, лицо было покрыто какой-то пленкой, начав говорить, я чувствовал, как она лопается и крошится. Провел рукой по лицу – кровь что ли? Что за ерунда? Девчонка, которая пялилась на меня с переднего сидения, вроде бы то же, раньше была в этой тюрьме, как и водитель. Может, это сон? А, меня на самом деле пристрелили на той тропинке? Все это время я не знал, как с ними связаться и стоит ли это делать, а теперь они, вдруг оказались здесь. Где это, кстати, здесь, машина ехала по абсолютно незнакомой местности. – Что вы здесь делаете?

– А, примерно то же, что и ты, – отмахнулась девушка. – Услышали слухи, «наоборот» – сразу поняли, что речь о тебе.

– Слухи, «наоборот»? – не понял я, тогда я, в общем, мало что понимал.

– Местные, знаешь ли, очень обидятся, если ты им скажешь, что они врут. Они говорят «правду», – кивнул парень, который сидел рядом. – Только, «наоборот».

– Это ж – бред, какой-то! – хотя, да, если перевернуть, все, что они об о мне говорили, то так и выходило. – Что здесь происходит? – я отбросил окровавленную тряпку в сторону. Странно, у меня ни чего, ни где не болит, нет видимых повреждений, выходит – это не моя кровь? Тогда чья?

– А, ты не помнишь?

– Нет, – нехотя, признался я.

– И, часто бывают провалы в памяти?

– Нет, не бывают, – так же нехотя ответил я. Я его убил что ли? Я это вслух сказал? Но, ведь я даже драться не умею.

– Нет, – ответила девчонка и тут же отвернулась, демонстративно уставившись на дорогу. – А, в общем, пофиг, если честно.

– Так, да или нет?

– Нет, – протянул водитель. – Но, это – проблема. Или ты научишься управлять той сущностью, которая за тобой следует или оно тобой.

Они нормальные? Я сижу тут в крови, честно, не знаю почему. Помню, только, что выхватил у него пистолет. А, они м не про призрака... так он существует что ли? Сознание атеиста – не готово это принять.

– Да, вы можете объяснить, что происходит? – я начал оттирать с лица засохшую кровь, рукавом свитера.

– Только это не быстро, да и путь у нас не близкий...

Призрак человечности

Они всерьез сейчас думают, что я поверю в эту ерунду? В то, что призрак, или что это там такое – не самое невероятное из всего того, что могло произойти. Оказывается, есть фигня намного хуже – не знаю, как это назвать: люди на оборот?

– Идюль?

– Гениально, – прокомментировал сидящий рядом парень.

– И, куда они идюль?

– Да, пофиг, – отмахнулась девчонка, – лишь бы уже куда-нибудь подальше укандыляли.

– Звучит как – зомбиапокалипсис, – смешно, кажется, было только мне.

– Это ты еще просто не понимаешь, насколько все серьезно. Эти «идюли» периодически появляются в разных странах мира. В самом начале века, оно было в Америке, затем и Италии, сейчас в России. Мигрируют каждые тридцать-сорок лет. Скоро и от нас ушкандыбают куда-нибудь и все начнется по новой. Только в другой стране: неизвестно где и не известно когда.

– И, сколько времени осталось? – спросил я. Не совсем понимая: хорошая это новость или нет.

– Не знаю, – ответил водитель. – Может, где-то уже начала

происходить та же фигня.

Какая «та же фигня»? О, чем он?

– Дальше, как в «синестере», смотрел? Кто-то едет в другую страну, что-то оттуда привозит или что-то там оставляет, потом с ним происходит что-то не очень хорошее, а вокруг начинает твориться фигня наоборот. Даже найти очередную «тюрьму» в России было – не очень просто. Вам еще хуже, потому как – где вам придется искать приемников, в общем, не понятно.

– Что значит «приемников»? – вот, как-то не очень мне это нравится. Приемников чего? Лично у меня – ни чего нет, так, что даже перенимать нечего.

– Да, подожди ты, сейчас объясню. А, в общем, если б не сбежал – то и так бы все знал.

– Зачем, нас там держали? Могли и связаться со мной, как-нибудь, – обиделся я.

– Ты – не понимаешь, – объяснила девушка. – Ты должен был сам захотеть, что бы тебя нашли, а ты – не хотел. Поэтому, мы смогли найти тебя, только когда по городу поползли слухи-наоборот.

– «Слухи-наоборот», – хмыкнул я, вспомнив, все, что я о себе слышал, наблюдая в окно не меняющийся пейзаж и едва виднеющиеся вдаль, кажущимися отсюда абсолютно одинаковыми домиками. – Я что-то аж забыл, что богат, видимо, где-то здесь у меня как раз – загородный дом. Тот самый, где я зачем-то держу взаперти восьмидесятилетних старушек...

да, что это за твари? Что им от меня надо? – попытался перевернуть слово «слухи» – получилось нецензурное выражение. Вслух решил не говорить.

– Да, да, – улыбнулся парень рядом, – я прямо знаю, о чем ты подумал. В общем, рассказываю покороче: смысл так прост, что это даже звучит тупо. Пока в их тюрьме сидим мы – не сидят они сами. У них все наоборот. И, мы далеко не первые кому они решили испортить жизнь, своим «на оборотом». Русским, как всегда – не повезло: за первыми ни кто так и не пришел. Тем, кому удалось сбежать – так и не удалось привлечь внимание. Они ни чего толком так и не поняли и ни чего не смогли. Точно они знали только одно – где-то, есть такая же тюрьма, как и та, в которой держали их. Они все-таки сумели помочь бежать другим, те: приумножили знания, научились разбираться в символизме, основали свой бизнес, свои фонды и преуспели довольно во многом. Тем, кто помог бежать уже нам, в общем, повезло: считай, пришли на все готовенькое. Ну, а мы, должны найти способ помочь другим, что бы им, как нашим когда-то, не пришлось начинать все с начала.

– Подожди-ка, – я даже перестал тереть рукавом лицо. Я-то думал что я – псих, а эти, пожалуй, похлеще будут. Еще я даже не знаю, как их зовут, они даже не представлялись. Хотя, может, это потому, что они так же, как я не помнили своих настоящих имен, представляться фальшивым именем – я то же не любил. И, я понятия не имел, куда мы едим. –

Хочешь сказать, нас не просто там держали: нас держали там вместо кого-то другого?

– Ага, – кивнул парень, – говорю: же у них все наоборот.

– Радостно-то как, – прошипел я. – Да, кто это такие?

– Да, без разницы, – отмахнулась девушка. – Тайный орден, правительство, пришельцы – лишь бы передохли.

– Она всегда такая... злая?

Девушка на мгновение повернулась, прищурилась.

– Нет, – протянул сидящий рядом парень. – Да, – едва слышно, добавил он, когда она отвернулась.

– Че сказал?

– Ни чего. У них все наоборот: ложь по-ихнему – правда, но, поверь, они крайне оскорбятся, если ты им скажешь, что они просто врут. Некоторые, прямо любят заявлять, что на самом деле они с «идюлями» борются, значит – бездействуют. Кажется, только те кто ни чего не делают – не врут, они и впрямь ни чего не делают.

– И, как вернуть все на круги своя?

– А, никак, – ответил водитель. – Представь себе мы – не можем. Может – тот, кого ты называешь «тенью». Но, и тут не все просто: сначала придется помочь ему самому.

– Оно, правда, существует? – я, наконец-то, осмелился спросить то, что хотел знать с самого начала или наоборот – не хотел. Пока не сдвинет стул я в него не верю, правда, тогда, скорее всего то же не поверю и, в общем, понятия не имею, зачем мне надо, что бы оно двигало стулья. При том,

что в паранормальные явления, я, как уважающий себя скептик – в упор не верю.

– Да, – кивнул парень, – только за все это время ты так и не научился его понимать. Ты, ведь знаешь кто он такой? Хоть это-то понял?

Отвечать на этот вопрос мне не хотелось совершенно: – Да, – выдержав паузу, признался я. – Но, я не верю в призраков, паранормальные явления и прочую ахинею.

– И, что это, тогда, по-твоему? – хмыкнула девчонка.

– Не знаю, – я пожал плечами и вновь начал тереть лицо, навязчивое ощущение того, что оно было стянуто словно маской – не проходило. – Квантовое состояние? – я давно перестал верить во все: и в людей, и в справедливость и в призраков. Если ответ на подобный вопрос где-то есть, то, как раз – там. Естественно, думаю я так, только потому, что в квантовой физике не разбираюсь, от слова – совсем.

– У нас у всех здесь квантовое состояние, – фыркнула девчонка. – Первые решили, что это что-то вроде какого-то продолжения эксперимента «феникс». Не понятно, кто, где и когда придумал, как прицепить к нам «квантовое состояние» – умерших в тюрьме утырков, тем самым, считай, уравнивая невинных и этих софиофобов. Первые предполагали, что это – возможно, технологии даже не из нашего времени, вероятно, так и есть. Что и позволило, этим «наоборотом» украсть наши жизни, ведь по сравнению с нами они вдруг стали белыми и пушистыми. Не спрашивай как – я сама тол-

ком не понимаю. Но, выходит, что мы, даже не делая ни чего плохого – виноваты во всех грехах человеческих, а они: что бы не творили, все равно ни в чем не виновны. В общем – удобно устроились.

К тому же: мой дух: придурок-придурком, а твой, в общем, хуже всех.

– Почему это? – в призраков я не верю, но обидно мне все-таки стало.

– Он не понимает, – шикнул на девчонку водитель.

– Я не во все это – не верю, – решил внести свои коррективы я.

– Я то же не верила, когда мне это рассказывали, – ответила девчонка. – Звучит, как бред, абсолютнейший. Квантовая спутанность, частицы, движущиеся во времени вперед и назад, квантовые ретр... – она на секунду запнулась, – неважно. Если наука, каким-то образом, шагнула так далеко вперед, почему бы, хотя бы не попытаться сохранить «квантовое сознание» какого-нибудь действительно хорошего человека, а не померших в тюрьмах упырей?

– Это действительно возможно?

– Ты же видишь наших «теней», – на мгновения рядом с девчонкой появился призрачный силуэт. – Мы видим твоего, но как подобную технологию могли создать, еще в начале прошлого века – до сих пор не понятно.

– То есть: по технологии, которая не может существовать в наше время, нас намеренно удерживали и осуждали за то,

чего мы не совершали?

– Примерно, так.

– Но, это же – бредятина.

– Только не для этих... «идюлей». Есть еще более тупая теория, которая гласит, что, как ты говоришь: «квантовое состояние» этих «идюлей», каким-то образом движется назад во времени. И, следовательно, в их времени, мы что-то совершили, что-то за что «заслужили», по их мнению, провести столько времени в заточении.

– А, еще есть мнение, что эта – теория полная фигня, – шикнул водитель. – Но, у них действительно есть какая-то технология, вот только я скорее поверю в то, что они в сговоре с пришельцами, чем в «квантовые состояния», которые куда-то там движутся. Это – «идюли», они не движутся ни куда!

– Как это прекратить? – может, хватит ходить вокруг да около? То ли они и сами этого не знают, то ли не знают, как сказать. Эти полунамеки непонятно на что – уже надоели. Ну, а манера подачи информации и вовсе оставляет желать лучшего. Я не верю в призраков, а то, во что способен поверить – звучит как бред. Как это «наоборот» может существовать? Совсем ни кому нет ни какой разницы что ли?

Если бы я сам лично не пытался отчаянно привлечь хоть чье-то внимание: не строчил десятки писем во все редакции и не обращался столько же раз в полицию – то не поверил бы в это.

– В общем-то, я прямо сказал, – ответил водитель, я это все-таки вслух сказал? – Нужно найти способ доказать, что он был не виновен. И, все, что происходило с момента его осуждения до настоящего времени – происходит с точностью до наоборот. И, так и будет происходить дальше, до тех пор, пока мы не сумеем этого сделать.

– И, в чем проблема? – на самом деле я знал, в чем проблема. Проблема в том, что это – невозможно. Я не писал об этом раньше и не хотел бы писать и сейчас, я изучал его дело и наверняка знал: если кто-то, когда-то возьмется доказывать его невиновность или просто попытается провести собственное расследование – то, этот «кто-то» ни чего не сможет добиться. Дело до сих пор вызывает не мало вопросов и слишком много всего «понаворочано». Здесь нужна, какая-то, очередная невероятная, несуществующая технология, которая... я, просто не знаю.

– Это и есть проблема.

– Сейчас вы скажите, что у вас так же есть какая-то технология, способная это решить? – предположение, конечно, так себе, наверное, мне просто самому хотелось бы в это верить. Зачем-то же они за мной приехали? Что – то же они хотят сказать? Наверно...

С другой стороны: я – то, как раз ни чего не могу. Ни талантов, ни способностей, даже просто найти себе друзей – оказалось непомерно сложной задачей. Девчонка на меня как-то странно глянула.

– Есть, – помедлив, ответил сидящий рядом парень. – Только проблемы это не решает. А, кажется, даже еще и создает.

– Есть? – удивился я. Ни: «ты должен ее создать», а и так есть. Даже обидно как-то... что-то мне подсказывает, что сейчас именно тот момент, когда просто пора открыть дверцу машины, выпрыгнуть из нее, бежать на полном ходу не оглядываясь и переехать сегодня же, сам не знаю куда. Так как еще немного и сделать этого я уже не смогу. Это, тот самый рубеж, перейдя который я уже не смогу жить нормальной жизнью. А, ну да, вспомнил: нет у меня ни какой «нормальной» жизни.

– Прошлое поколение «нас» вложило в науку, в частности в квантовую физику, в ответ мы получили «невозможную» как таковую, технологию. Может, это можно назвать – революционной. Но, она крайне недоработана и нестабильна. Но, «час х» приближается и время не терпит, придется работать с тем, что есть.

– И, что это? – я, на всякий случай, покосился на дверцу машины. Может, я не хочу знать? Может, я просто хочу жить самой обычной жизнью, какая есть у большинства людей. Получить образование, ходить на работу, жениться, завести: детей, собаку. Абсолютнейшая рутина – по мнению большинства, может, и по-моему собственному. Но, я был счастлив – каждый чертов день. Ну, прочему, что бы достичь этого, кажется, нужно совершить что-то почти невероятное?

Доказывать чью-то невинность, разобраться с какими-то квантовыми технологиями, почему именно мне, кажется, изначально совсем не полагалось того, что и так есть у всех?

А, еще я вовсе не так хорошо понимаю эту самую квантовую физику и вовсе не горю желанием разобраться, что к чему. С меня хватает загадок тени.

Они действительно собрались мне сейчас пытаться что-то объяснить? Не думаю, что я к этому готов. Но, нужно что-то сказать. – По возможности, без сложных лекций, – нда... сказать я собирался совсем ни это. Скорее что-то вроде: «оставьте меня в покое вместе со своими идюлями». А, что там за «час х», кстати? Нет, нет, нет! Не хочу знать...

– Не думай, что мы сами прямо досконально разбираемся в квантовых технологиях, – по лицу рядом сидящего парня было件нятно, что он то же хотел сказать, что-то совсем не это. – Я всего один раз открыл учебник и сразу же понял, что это – не мое. Объясню, как смогу. Вопросы задавать: не желательно.

В общем, представь, что у тебя есть знакомый в другой стране, в другом часовом поясе, представим, что у вас, какие-то совместные дела, у тебя есть его номер телефона и тебе нужно ему позвонить. Но, ты ведь знаешь, что там другой часовой пояс, ты не будешь звонить просто в любое время, ты сначала считаешь, сколько время там и удобен ли этот звонок.

– А, сообщение отправить нельзя?

– Что самый умный что ли? – обиделся парень – Нельзя, тебе нужно ему позвонить.

– Почему? – по-моему, это какой-то глупый пример. К тому же у меня даже здесь знакомых нет.

– Потому что. А, теперь представь, что у этого знакомого, какая-то работа, связанная с постоянными разъездами. Каждый раз, когда тебе надо ему позвонить, он находится в каком-то другом часовом поясе, заранее ты не знаешь где, не знаешь, сколько там время: утро, день или вечер. У тебя просто есть номер телефона и тебе нужно ему позвонить.

– Может, он сам позвонит?

– Нет, тебе нужно позвонить ему.

Может, мне не надо ни кому звонить. При чем здесь «феникс»? Это же – «эксперимент Филадельфия»? Пропавший кораблик и что? Как меня учил думать тень? С чем ассоциируется? Корабль-призрак? «Летучий голландец»? Ни чего более конкретного вспомнить не могу, может, это что-то другое значит? А, ну да, вспомнил? «Феникс» – это не тот эксперимент по изменению сознания, в котором сознались американцы? Или тот как-то по-другому назывался? Нда, как-то я не преуспел в разгадывании загадок... придется покопаться в учебниках по истории.

И, при чем здесь какая-то квантовая технология? А, в чем был смысл загадки? В том, что я не могу позвонить кому-то, потому что не знаю, сколько у него время? Эта технология должна как-то позволить мне это решить? Или она это не

решает? Допустим, он говорит, про того, кем был тень. Это, и подразумевается, но позвонить ему нельзя – он мертв, при чем здесь время? Сколько бы время не было – он все равно умер. «Частицы, которые движутся назад во времени».

– Хотите сказать, есть какой-то способ связаться с ним, не смотря на то, что он мертв? – Это самое глупое, что можно было предположить. Что они еще говорили? Я не знаю, сколько там время? – Но, нельзя выбрать конкретный период?

– Да. Мы можем связаться с ним в прошлом, но не контролируем время, в которое попадаем. Мы точно не понимаем как это работает, как-то через другие измерения, где время идет по-другому. Можем запросто попасть в период, когда он был еще младенцем, может быть когда-нибудь мы найдем способ улучшить технологию, но времени ждать у нас уже нет.

– Какой-то «час x»? – предположил я.

– Если кто-то пытался связаться с ним с помощью этой технологии, то в будущем это уже произошло.

– Мы выкупили письма, которые он писал, человеку, которого до настоящего момента – не существует, – продолжил водитель. – Такого человека действительно нет. Но, там написано, где этот человек будет в одно единственное время.

– И, как он там будет, если его нет? – до сих пор бред какой-то.

– Не знаю: может он изменил имя и что-то еще. Тень твой,

был тем еще параноиком. По мнению психологов, эти письма – что-то вроде аллегории или писем к самому себе, какой-то код, для всех тех, кто все-таки полагает, что он – не был виновен. До недавнего времени и мы так думали. Но, теперь приобретает иной смысл. Этот человек есть, и мы знаем, где и когда он появится, вернее – она.

– А, сейчас я, как ни в чем не бывало, поеду домой, да? – как-то это все-таки меня немного волновало.

– Нет, – как-то меня это не сильно обрадовало, но и не сказать, что бы расстроило.

Есть еще кое что, что меня волнует: – А, как вы узнали, что я там буду?

– Мы за тобой следили, – спокойно признался парень. – Ты не знаешь, на что способны «идюли», они уже давно пытаются повлиять на твое психологическое состояние.

– Каким образом? – я ведь даже почти ни с кем не общаюсь.

– Всеми, – для убедительности парень кивнул, вышло и впрямь убедительно.

– И, все, что ты сейчас узнал, это – далеко не все наши проблемы, – непонятно зачем добавила девчонка. Ну, и почему я должен решать их проблемы и причем я здесь, в общем, в принципе? Технологию они придумали и без меня, связаться с тенью должен кто-то другой, при чем здесь я? До этого же они и без меня обходились...

На самом деле тогда мне хотелось спросить очень многое,

но этот разговор слишком меня измотал. Я уже устал задаваться вопросами: почему? И как это все возможно? Тяжелое чувство, какой-то отрешенности подкрадывалось к сознанию. Оно ощущалось почти физически: оно не хотело ни чего знать, не желало ни чего делать. Я вновь начал тереть лицо, казалось, что это дурацкое ощущение можно просто оттереть и оно наконец-то исчезнет.

– В этом «расследовании» от нас хоть что-нибудь зависит? – устало спросил я?

– Может, ни так уж и много, – в тон мне хмыкнул водитель. – Но, перед тем как к чему-то приступить, ты должен сам для себя решить: считаешь ты его виновным или нет. Ни взять на веру чье-то мнение, не тупо доказывать невиновность, но сомневаться в душе, ни просто прочитав что-то в интернете. А, составить свое собственное мнение, провести свое собственное «расследование» и решить саму для себя.

– Это один из «заветов» первых: не принимать ни чего на веру, а думать самим, – прошептал сидящий рядом парень. – Если ты сам ошибся, но при этом искренне верил в свою правоту – то ты дурак, который просто поленился где-то что-то додумать. Принял на веру чужое мнение, которое оказалось не правильным – просто идиот. Мы так не делаем, мы – не «идюли».

Что же: звучит вполне... но, как же мне не хочется этого делать. Это дело даже пересказать сложно, а распугать, вот так вот, спустя столько лет, наверно и вовсе не выйдет. Оно

странное... и это – еще мягко говоря. Ладно, будет свободное время, я займусь, обязательно, может быть, потом.

– Я прочитал статью о «тени» много раз там все странно, – отмахнулся я. Можно сказать, что это – и есть мое мнение.

– А, самая большая странность?

Я молча пожал плечами.

– Ясно, – хмыкнула девушка. – Я верю, что ты читал, но видимо не видел, что написано...

Ну, отстаньте от меня.

– У этих... козлов в законе, есть, что-то вроде тайного, знакового языка. И, как раз в той статье – они зашкаливают...

– Глупый вопрос, – может, она хотела что-то еще добавить, что-то вроде: «что бы все они передохли». Зря я ее перебил. Не один же я так думаю? – Кто-нибудь понимает, зачем они, вообще, нужны? Звучит, наверно, и впрямь глупо. Но, я этого, что-то так и не понял. Я как-то встречался с одним, он сказал, что меня не существует... мне вот, то же не понятно, зачем он существует.

– А, забей, – отмахнулась девчонка, – эти... козлы то же – не правильные. Если бы они хоть что-то делали, «идюлей» и вовсе бы не существовало. Они только на словах «борются», что-то делают и зачем-то нужны.

Я то же как-то с одним встречалась, вернее, разговаривала, в общем, мы играли вместе. Он дал понять, что он в курсе происходящего, и даже посчитал нужным извиниться, но,

не посчитал нужным что-то сделать... козел. Что бы они все передохли. Все равно толку от них нет.

Ну, не то, что бы мне полегчало, ну, хоть не один я так думал... я так понимаю, теперь мне еще в этих «знаках» разбираться. А, с символизмом у меня не очень, из «призрака» так себе учитель.

Мы уже въезжали в город, жаль не в тот, где я – богатый сын мафиози. И не в тот, в котором у меня осталось двое джинсов и три свитера. Видимо, от шикарной жизни придется отвыкать...

Наверняка, сейчас выяснится, что есть еще что-то, что мне не примерно нужно знать и это, прямо точно – окажется моей проблемой.

Машина остановилась возле одного из многоэтажных домов: – Ну, вот здесь мы и живем, – сообщил сидящий рядом парень. – Говорим, что семья – что, отчасти, правда. Ведь настоящих семей у нас нет.

– Так и быть: выделим тебе место, – неуверенно хмыкнула девчонка.

– С завтрашнего дня начнешь учиться всему на практике – так быстрее доходит. Времени на длительный курс теории у нас нет. Еще я постараюсь научить тебя управлять тенью, или ты научишься управляться с ним, или его гнев поглотит тебя.

Водитель как-то наигранно радостно поприветствовал стоящих возле подъезда женщин, так же радостно сообщив

им, что к ним приехал дальний родственник.

На самом деле не знаю, чего я ожидал от их жилища? Дворцовой роскоши – после разговоров о квантовых технологиях? Переизбытка ярких, агрессивных цветов, казалось, что-то именно такое могло быть вполне в духе кровожадной девчонки? Чего-то гиперсовременного, аляповатого и бессмысленного, как у импрессионистов? И сборник заветов – непонятных «первых» прямо на пьедестале, естественно. Но, что бы я не думал – я ошибался. Квартира со скромным ремонтом, где преобладали светло-серые тона, ни какой вычурности, ни какого импрессионизма, ни каких пьедесталов. Спартанская обстановка: простая, функциональная мебель и ни чего лишнего. Просто и вполне уютно. Если бы у меня было достаточно денег, я бы обустроился примерно так же.

– Хочу знать, как за мной следили, так что я ни чего не понял, – я, конечно, не большой эксперт в слежении за кем-то. Может, именно это мне и не хочется знать?

– Мы покажем, – кивнул водитель, меня уже начало, как-то напрягать, то, что я не знаю их имен. Кажется, наши отношения давно перешли ту фазу, когда пора бы уже и познакомиться. – И, то, как они убеждали тебя прийти к ним по своей воле – то же.

– Меня зовут Егор, – неожиданно решил представиться парень, который сидел со мной рядом в машине. Улыбнулся он при этом, как-то не весело. – Но, я, пока, так и не привык к этому имени и понятия не имею, как меня звали на

самом деле. Поэтому не всегда отзываюсь. Чужое имя – оно как маска. У Лизы, – он кивнул на девушку, – примерно те же проблемы, хоть она и уверена, что ее так звали, реагирует не всегда.

– Ну, а меня зовут – Даниил.

Надо что-то сказать: – Как, зовут меня, вы и так, видимо, знаете, – может, мне то же не нравится и я, то же – не привык. Наверное, это глупо – избегание собственного имени, когда-нибудь и мне придется назваться. Когда-нибудь, но – не сейчас...

– Есть, еще кое-что, что тебе следует знать, – сказала девчонка, развалившись в кресле напротив окна. – Если есть те, кого они действительно держали, можно сказать в клетке, то есть и те, кто «как бы» был свободен, но на самом деле, как в клетке. Девушка, она так же одна, как и мы.

Я помню, как раньше, пребывая в блаженном неведении, насчет всех этих «идюлей», даже задумывалась над тем, что, может, мы чем-то и заслуживаем своей участи. Правда, непонятно, чем...

Она, можно сказать до сих пор находится в состоянии того самого – неведения. О, чем-то догадывается, но так... ни чего конкретного. Зато «наобороты» изрядно портят жизнь, как я уже сказала, толком она ни чего не знает. Физическое и психологическое состояние – оставляет желать лучшего. Подробнее введем в курс дела позже.

Из того, что я хотела сказать: у этих «идюлей», не иначе,

как по логике левой пятки, она, почему-то, считается дочерью твоей тени. А, значит, она дочь преступника и должна нести его карму...

– А, на самом деле? – по-моему, у него, в общем, детей не было. Кажется, он даже женат не был.

– Да, ты издеваешься, – шикнула девчонка и в меня полетел тапок. – Не было у него детей! По той же логике, «идюли» заявляют, что ее отец, уж не знаю когда, наверно, в период раннего детства, держал в плену некую местную ведьму, которая, в общем, все и всегда, говорит наоборот. А, потом, то же не понятно когда и зачем, на ней женился. А, ее мать, просто его любовница.

– Мы сейчас про тень говорим? – даже мне не понятно. – Или про ее отца? Разве «призрак» был преступником?

– Твой – нет, – смысл разговора окончательно утерян.

– Ее отец, благополучно умер, когда девчонке было лет тринадцать и о своей женитьбе: ни сном, ни духом, – хмыкнул Егор. – Тогда ее семья жила в другом городе и ни каких отношений, ни с местными «идюлями», ни с семейством тени, не поддерживали. По-моему, она до сих пор даже о его существовании не знает, не говоря, о чем-то еще. Это я про тень.

Просто у «идюлей» все – наоборот. Поэтому считается, что ее отец до сих пор жив. Из-за этих... козлов в законе. Которые, просто назначили вместо погибшего отца – другого. Ну, и что с того, что они не знакомы и не родственники?

– Тень то же мертв, – напомнил я. – Даже если вдруг с чего-то он ее отцом считается. Или нет? А, что можно вот так вот что ли? – возмутился я. Я не помню свою семью, может я их и не знал ни когда. Но, если кто-то, вдруг, возьмется, назначать мне родственников – мне это точно не понравится. – А, если им других родственников назначить?

– Ну, это ты уродам этим, в законе скажи, про то, что тень мертв, а то они не в курсе, наверно, – хмыкнул Егор. – Тень каким-то образом считается ее отцом, и он жив, наверно, по мнению этих уродов. Я не больше твоего понимаю.

Не знаю, чего они от меня ждут, но точно понимаю, что теперь это – моя проблема. Если «призрак»? Не в призраков я не верю: «квантовое состояние», того, кто, почему-то считался отцом той девушки, следует за мной, то, теперь я ее отец, что ли? У меня есть дочь? После, какого слова радоваться? И, конечно ни кого особо не волнует, что у меня ни с одной девушкой, ни когда, ни чего не было... усталость, навалилась как-то разом. Я пытался осознать, то, чего понять не мог ни логикой, ни как-то по-другому...

– То есть теперь у меня есть дочь что ли?

Ева пыталась вспомнить с чего все началось: с того парня? Все-таки он гипнотизер какой-то, она ведь сразу поняла, что с ним что-то не так. Хотя, сейчас так про многих сказать можно. Как раз, наоборот-таки, если кого-то можно назвать «нормальным» человеком, то это ненормально само по себе.

А, она просто – глупая девчонка, на загадки ее потянуло.

Поэтому теперь, она в основном сидит и загадки, блин, разгадывает...

Одной, недавно, кстати, прибавилось. На телефоне постоянно начало всплывать уведомление об смс. Старая смс, но, она всегда значилась как новая. Становилась жутковато, при мысли, что знакомая отправившая ее – пропала без вести несколько лет назад. Смс было то же странным: «Как король из другой колоды» и число «п» с несколькими знаками после запятой. Пропавшая была буквально помешана на маньяках и криминальной хронике – подобное вполне в ее духе. Тогда Ева думала, что при встрече спросит у этой, своей знакомой, что это значит, но позже выяснилось, что к тому времени девушка уже несколько суток значилась в розыске. Родственники даже вознаграждение объявили за любую информацию о месте нахождения девушки. Ева, на всякий случай, отправила скриншот с смс ее брату, тот просто ни чего не ответил.

Лишь недавно она поняла, что количество знаков после запятой – на самом деле меняется, как будто эту смс действительно постоянно кто-то переписывал. Каким образом – то? Не понятно. Но, после нескольких знаков из числа «пи» в смс значились, казалось, случайные числа. Может, это у сотового оператора сбой какой-то? Телефон глючит? Или это все же что-то значит? Глупо опять все сводить к тому парню, может, все это и вовсе ни как не связано? Или связано? Это какой-то код?

Какое-то время Ева выписывала эти числа в блокнот, ма-

ло ли, но нет – это просто набор чисел, которые сами по себе ни чего не значат. По крайней мере, несколько раз она все-ррез думала удалить к чертям непонятную смс, но так и не решилась, а вдруг это все-таки что-то значит? Вдруг есть какой-то смысл, который она, пока что, просто не замечает? А, может, ей просто самой хочется так думать? В любом случае – «обновляться» смс перестало. Все-таки это был просто сбой какой-то дурацкий, наверное. Не на само же деле с ней кто-то пытался связаться таким образом?

Телефон пискнул в руке, заставив девушку вздрогнуть, а нет, всего лишь подруга приглашала куда-нибудь сходить вечером. Она бы рада и погода, вроде ни чего, но как только Ева выходила из дома вокруг начинала происходить какая-то чертовщина – по-другому, и не скажешь. Поэтому она все больше предпочитала просто сидеть дома. Да и идти ей было особо не куда и не с кем.

Она опять сводила все к «тому парню», это после встречи с ним ей повсюду, теперь какие-то тени мерещились. Опять он во всем виноват. А, может, у нее просто агорафобия развилась? На фоне стресса и переезда, развода с мужем? Она переехала в другой город, другую обстановку, уже давно не могла найти нормальную работу, почти ни с кем не общалась и ни куда не ходила. Заставить себя хоть что-то сделать становилось все труднее. Временами в ней вспыхивал необычайный интерес к темам, которыми она прежде ни когда не интересовалась и местам, в которых ни когда не бы-

вала. Странно все это, как-то...

Но, странности на этом только начались. В соцсети, на личной странице к ней внезапно обратился какой-то мужчина, наверное, хотя кто его там знает, под псевдонимом «Шаман». Он, кажется, уместно сказать, пытался нанять ее на работу, как частного детектива... может, перепутал что? В, общем-то, Ева, скорее просто: не самый удачный журналист из рубрики «желтых» листков. Собирательница: сплетен, слухов и теорий заговора. Не больше. И, ей вдруг, то ли в шутку, то ли в серьез кто-то предложил провести расследование, с которым не справилась полиция? А, она-то как с этим справляться должна? И, в общем, что он к ней пристал?

Но, он упомянул Анну и Ева задумалась.

«Одна моя знакомая, как и ваша подруга, обращалась в этот квантовый институт, в частный сектор и это был последний раз, когда ее, в общем, видели. При чем пошла она туда, что бы убедить Анну».

«Вы знали Аню?» – надо же с чего-то начинать. Если сейчас ей вдруг вновь придет смс с числом «пи» она не удивится.

«Она очень хотела меня прибить» – признался Шаман. «Забавно, что только она и смогла бы поверить в эту историю и, вероятнее всего, восприняла бы мои слова всерьез. В полиции от этого дела просто отмахиваются. Все выглядит так, как будто бы Яна – собрала вещи и уехала. Но, я знаю, что она этого не делала. Яне угрожала какая-то ненормальная,

она и из дома почти не выходила. Она хотела убедить меня и Аню, что говорит правду и обратилась в этот квантовый институт... и все. Это все, что я знаю.

А, вы хорошо знали Аню?».

«Не очень», – подумав, ответила Ева. «Мы учились в одном институте, на разных курсах, иногда встречались в компаниях, поддерживали переписку. Она, ведь из богатой семьи, меня всегда удивляло, что ведет себя при этом, она на удивление просто. У нее не было, вот этих: зайнайских заскоков, как у богатеньких.

Я действительно не очень хорошо ее знаю, но достаточно для того, что бы знать, что в тот город, она просто так бы точно не поехала», – Ева специально не стала писать в прошедшем времени, да и много чего добавлять не стала. Затем «Шаман» пообещал устроить ее туда на работу и пропал. Ева не особо расстроилась. Ну, ведь не действительно же ее кто-то в качестве частного детектива пытался нанять? Это чья-то шутка? Не смешно тогда. Кто-то пытался таким образом выяснить, что она знает? Что ж, она и так могла сказать, если бы кто прямо спросил – ничего она не знает. И, лезть во все это ей не особо хочется, даже из дома выходить. Но, вскоре ей действительно пришло приглашение на собеседование. Так этот «Шаман» не шутил что ли? Страница, с которой ей писал этот «Шаман» оказалась удалена, а попытки его отыскать ни к чему не привели.

Демонология для начинающих

– Не смотри на меня так, как будто я сейчас открою тебе какую-то вселенскую истину, – отмахнулся Даниил. – Мы долго думали, с чего начать твое обучение, учитывая, что времени на это у нас в обрез. Поэтому «демонология», для начала вполне сгодится, – хмыкнул он.

– Почему демонология-то? – признать, чего-то подобного я и ожидал, наверно. Призраки, идюли... что бы и с демонологии не начать-то?

– Ну, оно не совсем в привычном тебе понимании, просто так легче и быстрее усвоить, то, что надо. В тюрьме наше образование, как-то мало кого волновало, что не странно. Поэтому так спрошу – тебе знакомо понятие «вавилонской башни» или то же разьяснять надо?

– Знакомо, – фыркнул я, он меня совсем за идиота держит? Хотя, если бы не тень со своими загадками, конечно. – Люди начали говорить на разных языках.

Я как человек – ни во что не верующий, библейские темы предпочитаю обходить подальше. Сам не совсем понимаю почему, ведь я действительно атеист.

– Люди всегда говорили на разных языках. Слышал о классификации психов: «серийный» не «серийный» и так далее?

– Слышал, – отмахнулся я, на мгновение, выглянув в ок-

но. Скука! Блин, любят они ходить вокруг да около.

– Представь себе, что демонология – это то же самое, даже покруче. Тут тебе и: «серийные», и «несерийные», «некрофилы», «коллекционеры» маньяки с описанием всевозможных повадок, прочая нечисть, только написано все это крайне иносказательно.

Хотя я полагаю, что истоки иносказательности связаны как раз с распространением религий. Ведь ни чего подобного нормальный, богобоязненный человек совершить просто не может. А, значит это – происки демонов.

И, не надо на меня так смотреть, я то же поначалу не верил, что демонология – это буквально, одна из лучших классификаций всевозможных маньяков. Если не веришь, возьми и прочитай про любого маньяка: могу тебе сразу сказать, его действия будет или непосредственно похожи на сигил какого-то демона или напоминать описание.

Возьми любой фильм ужасов – и заметишь то же сходство. Подавляющая часть ужастиков – часто описание какого-либо сигила. С другими посложнее, крайне редко встречаются фильмы где – действительно довольно сложно разобраться какой демон или демоны имеются ввиду. Я таких фильмов всего несколько знаю.

В общем, из описания, хоть и сильно иносказательного все же примерно понятно, чем данная тварь промышляет и что делает. Топит жертв, душит... кхе, ну и так далее. Худшие психи – это которые что-то строят. Что-то строит: значит за

чем-то или за кем-то прячется, сваливают свою вину на невиновных, знакомо? Я так понимаю, имеются в виду перевертыши – «идюли».

Впрочем, клонил я не к этому, когда люди врут – им бывает стыдно, ну, тут речь не про «идюль», естественно. Эти-то уверены, что говорят правду: подумаешь, наоборот – правда, же.

Есть признаки: чешут нос, например, когда что-то вспоминают, смотрят в одну сторону, когда придумывают в другую, часть этих признаков можно скрыть – это да. Но, прижи человек все равно проявляет эти признаки – это бессознательные действия, неконтролируемые сознанием. Вот тут мы и подходим к самому интересному.

Представь себе, что в каждом из нас живет самый страшный маньяк и социопат из всех известных – ид. Но, вместе с ним, так же в каждом, ладно в большинстве людей, есть еще и другая сторона это: самый строгий судья, цензор и палач – сверхэго. Именно оно обычно и не дает внутреннему психопату «выйти на свободу».

Даниил то же подошел к окну: – Человек подает те самые: неосознаваемые признаки-знаки, не только когда врет. Также можно понять, когда кто-то сердится и старается это скрыть, переживает и прочее. На самом деле большая часть поведения: то есть мимика, жесты и прочее человека является им самим – неосознанной.

Но ид и сверхэго, в отличие от тебя самого, способны за-

мечать, считывать и запоминать данные знаки. Может, звучит как бред, но это то же правда, можно сказать, начиная разговор с кем-то ты, подпорогово уже понимаешь на каком языке говорит оппонент и подаешь ему знаки на том же языке, если сам его понимаешь, конечно. При чем данный диалог происходит незаметно для тебя самого: в мимике, жестах, интонации, полунамеках и полутонах.

Большинство людей, примерно, одинаково владеют языком ида и сверхэго. Но, очень редко, встречаются и те, кто, по каким-то причинам, способен говорить только на одном языке. Такие люди просто не понимают и не воспринимают знаки, обращенные к противоположным началам. Есть те, кто говорит только на сверхэго и есть те, кому знаком только ид. Некогда Фрейд вывел язык ида и это, правда – все именно так и работает, только это не вся правда. Есть еще и сверхэго. Теоретически число людей говорящих только на иде или только на свехэго должно быть примерно одинаковым, но... что-то где-то пошло не так.

– И, я, каким-то образом, понимаю это еще до того, как начинаю общаться с человеком?

– Понимаешь, но не осознаешь. Люди, которые общаются на сверхэго и иде – это разные типы людей, способные на диаметрально противоположные поступки. Поскольку мы как-то пропустили ту фазу, когда подростки учатся разбираться в людях самостоятельно – нам, даже это, понять более сложно, чем обычным людям.

Поэтому первое чему надо бы научиться – это сознательно понимать, на каком языке говорит твой собеседник. Если сам ты ид не воспринимаешь – то, нужно просто научиться понимать его знаки. Вскоре ты поймешь, что эти «знаки» буквально повсюду. Человек все та же примитивная скотина, какой была на заре цивилизации. И, с тех самых пор, по сути, ни чего не изменилось.

– Да, какой в этом толк? – звучит все это немного бредовенько, что бы больше не сказать. Но, если вдуматься, начинаешь понимать, что, кажется, так оно и есть. – Какой смысл, от понимания этих «знаков»?

– Просто ты их не видишь, не понимаешь и не воспринимаешь. Люди, как правило, считывают их бессознательно. В сознание же приходит, ну, что-то вроде «озарения» либо – долгие тягостные раздумья. Тот, кто говорит на иде, оставляет знаки для тех, кто воспринимает только ид, и наоборот стало быть. Так как – тот, кто говорит на сверхэго не поймет знаков ида, но, может до чего-то додуматься, по сути, не понимая, что этим хочет сказать ид.

В общем, если сильно утрировать, то это – два дебила, которые бесконечно пытаются говорить друг с другом на разных языках, и которые даже в каком либо «знаковом» эквиваленте не в состоянии друг другу объяснить, что им, друг от друга надо. Социальная среда настолько различна, что одни и те же жесты и символы – несут в себе разные, для них, понятия. Ну, вот так как-то.

– Я думал, что «символы» для всех обозначают одно и то же, – нехотя высказался я.

– Это если ты их сознательно воспринимаешь – то да, – отмахнулся Даниил. – В противном случае любой символ бессознательно будет рассмотрен через призму ида или сверхэго. И, соответственно, получают разные значения. Иду свойственно сводить все к низменным инстинктам, сверхэго же не заметит ни чего подобного, даже там где оно есть.

– Хоть бы пример привел, – пробубнил я. – Мне вот, до сих пор не понятно, где искать эти «знаки».

– Да, везде: это часть вербального и невербального общения с архаичных времен.

– Мне, вот это сейчас – ни фига не сказало, – честно признался я.

– Ладно, смотри, у меня есть пара загадок, со «знаками». – Даниил потянулся к лежащей на столе папке. Поначалу мне было интересно, что там такое и зачем он ее притащил. Но, потом разговор и так принял неожиданные для меня обороты: демонология и призмы «ида», «сверхэго». Он открыл папку, что это? Фото с мест преступлений? Не круто... но, ожидаемо. От меня то он чего хочет? – Как ты уже видишь, – фыркнул Даниил, – это фотографии с мест преступлений, дела довольно простые. Как и любое, или почти любое дело их можно раскрыть с помощью тех самых знаков. В нескольких делах есть отсылки к «иду», одно на «суперэго». Вот, найди эти знаки и интерпретируй. Не надо строить

кучу предположений – нужно понять. Дела можно раскрыть только по фотографиям, демонология в помощь. Все – вайлай.

Издевается он что ли? Как, в общем, должны выглядеть эти «знаки»? Что это? Что нужно искать? Статуэтку фиолетового кота в аквариуме? Ну, найду я ее, допустим, что это значит?

– Там есть дело тени? – как бы, между прочим, спросил я, просто для того, что бы что-то спросить. Я все еще даже в его существования-то не верил. И, между тем, это все же что-то для меня значило, только показывать этого я не хотел.

– Нет, – ответил Даниил, – это посложнее будет.

– На сколько?

– На много, – уклончиво отвел он. – Когда дело касается и ида и сверхэго, это – всегда намного сложнее. И, даже так – все не так просто. Давай, открывай статью про него, я тебе кое что покажу.

А, может, я не хочу этого делать? Любой вопрос, касающийся тени был для меня подобен хождению по тонкому льду. На грани веры и неверия, когда отрицание и атеизм вдруг сталкивались с тем, чего не могли объяснить ни разум, ни логика.

– Я эту статью, наверное, наизусть знаю. Любую статью про него с любого сайта.

– Что-нибудь понял?

– Нет.

– Вот то-то и оно, то, что кто-то что-то знает, не значит, что он это понимает. Давай открывай, смотри только на числа. В стух: дата рожденья.

Я назвал числа.

– Дата смерти.

Это на пытку похоже. Я назвал числа.

– Первый адрес. Только числа.

– Адрес после переезда. Что-нибудь заметил – нет?

– Теперь число, когда...

– Вот, черт, – прошептал я. – Адрес, это же дата его смерти, только числа переставлены. А, адрес после переезда – это когда он, предположительно убийство совершил, прямо то же число, только числа по-другому. Это же совпадение?

– Нет, – кивнул Даниил, – скоро ты начнешь думать, что совпадений не бывает.

– Предостережение?

– Ну, если только для него самого.

– А, если серьезно? – запротестовал я. Мне что одному не понятно, что это значит? – Человек жил по адресу, который совпадает с датой его смерти! А, другой адрес – по сути, дата совершенного им убийства, ну, как считается. По сути это видело не мало народу, но, что все они считают, что это – просто совпадение? – на самом деле не знаю, что я так распереживался. Если бы я заметил это раньше, то – то же бы считал, что это: интересное совпадение и не более. А, сейчас – я просто не знаю, что думать.

– Это, знак, разумеется, – пожал плечами Данил.

– Да, неужели? И, что это значит?

– Цифры идут не по порядку, по идее это должно означать, что и там что-то не так, – сам бы я, конечно, до этого не додумался. – Мы, полагаем, что преступление было совершенно в прошлом, разумеется, но спланировано в будущем. Наша история началась именно с этого, пока он плохой – «идюли» хорошие.

– И, закончится она, только если мы докажем, что он был не виновен?

– Да.

– Это невозможно, – хмыкнул я, откинувшись на спинку стула. За последнее время не было ни одного более резонансного дела, чем это. А, сам, тень, при жизни, вел себя так – будто и не пытался облегчить задачу. Наверно, единственный способ начать разбираться в знаках, а я – честно признаться: ни чего не понимаю.

За этим разговором следовал не самый лучший период моей жизни, когда я днями смотрел фильмы ужасов, читал про маньяков, книги по психологии, чуть ли не выучил наизусть все сцигалы, но так и не нашел ни чего общего. Дела, которые мне подсунул Данил я так же не мог раскрыть: ни по фотографии, ни как-либо по-другому. Вроде бы все и так ясно, просто зная, его я предполагал, что все не то, чем, кажется. А, значит все не так уж просто, хотя, может и излишне усложнять не надо. Нужно просто найти какие-то знаки, а я

не знаю где и что искать. Даже загадки тени теперь казались легкотней, подготовительным курсом.

Затем я все-таки начал замечать сходство с сигилами или описанием демонов и фильмами ужасов. Вскоре я уже относительно без проблем начал понимать, какой конкретно демон в каком фильме имеется в виду, даже если речь шла уже не только о фильмах ужасов. Начал понимать, что повадки маньяков так же напоминают сигилы демонов. Научился раскрывать преступления в фильмах через демонологию, это действительно работало, как бы глупо не звучало. Раскрыл одно из дел предложенных Даниилом. Начали с Егором потихоньку разбирать дело тени. Лиза пыталась научить меня понимать тень и управлять им. Пока так и не смог заставить или уговорить его сдвинуть стул. Да, в фильмах ужасов демоны более сговорчивы.

Решил встретиться со своей «дочерью». По какой такой, блин, логике «дочь» может быть старше меня, скажите на милость? А, еще у меня и девушками-то ни чего не было... ну, ладно: «дочь», есть «дочь». Поскольку других детей у меня не было, я был счастлив и такому родству. Ну, если когда-нибудь встречу несуществующих воров в законе, с радостью оторву тот орган, через который у них проходят мысленные процессы – левую пятку, стало быть, наверное.

От «дочери» узнал о себе, что я козел, которого «не существует» и, что она то же мечтает, мне что-нибудь оторвать. Да, что за привычка у всех кого я встречаю заявлять мне, что

меня не существует? Плохая привычка... лишний повод начать злиться на местных недокоролей. Зачем они, в общем, нужны? Ни чего не делают, ни с кем не борются, ни кому не помогают, ну, кроме «идюль» разумеется. Это не так? Может и не так, ну, мне что-то не помогли, более того, усердно продолжают делать вид, что меня и моих проблем не существует.

– Попробуем так, – рядом с Егором появился призрачный силуэт и направился в сторону девчонки. Рядом с девушкой на миг появилось что-то вроде светлого облака: бестелесное и безликое. В одно мгновение облачко приобрело очертания неведомой твари, ошетинилось в нашу сторону злобной, клыкастой мордой и растворилось в воздухе вместе с призраком Егора.

– У нее то же есть... что-то вроде тени?– удивился я.

– У нее их много, – выдохнув, ответил Егор. – Но, эти не настоящие, настоящую она редко показывает и редко бывает в настроении говорить.

– Я хочу уметь так же.

– Учись, – хмыкнул Егор. Это только сказать легко, на самом деле, я в это даже не верю. На самом деле даже не особо понимаю что я так расстроился? Я же понимаю, что это не моя дочь и даже не его. Они даже ни как связаны не были. Надо все-таки найти способ с ней поговорить. Может, тогда я пойму что эти «идюли» к ней прицепились? И при чем здесь тень, в общем?

– Она умеет управлять тенями? – обидно, я то – нет.

– Нет, не умеет, – пожав плечами, ответил Даниил. – Может, уже пора начать называть его по имени? А, то всегда: «этот», «тот», «тень»?

– Не, я – не готов, – отмахался я. Начать называть его по имени, значит: персонализировать. И, тогда, возможно, со временем, я и сам поверю, что он не просто моя выдумка. Справедливости ради стоит заметить, что сам себя по имени я то же до сих не называл, почти ни когда не откликался и терпеть ни мог, когда ко мне так обращались. Ну, и кто кого придумал? Он меня или я его? Опять, эти нездоровые мысли...

Да, да, я помню, мне все равно придется разбираться в его истории, – ну, не очень у меня пока с этими дурацкимим знаками. И способ их понимания оставляет желать лучшего. Я уже начал относиться к демонологии, как к альтернативной знаковой системе: примитивной и со своими заморочками, но, быть от этого демонологией, она не перестала. Я даже еще более укрепился в собственном скепсисе. Справедливо спросить: «альтернативной» чему? Здравому смыслу разумеется.

С большим интересом перечитал письма, адресованные некой Еве. Метафоричность зашкаливает. Странно, но возникает ощущение, скорее что это какая-то абстракция, далекая и нереальная, способ обращения к самому себе? То он злится, то, кажется, ревнует, то и сам в ее существование не

верит. По началу, я, наверное и сам так же общался с тенью. А, еще он писал, что «настоящее» их знакомство произошло, произойдет именно там: в парке на скамейке, буквально через пару дней.

А, если мы попробуем с ним связаться с помощью кого-то другого, то он и письма напишет кому-то другому? Почему для этой квантовой ерунды нужна именно эта «ЕВА», а ни какая-нибудь Машка-Глашка, из соседнего подъезда? – Может, это, в общем, всего лишь метафора?

– Может, – Егор на мгновение отвлекся от планшета. – Скоро узнаем.

– Почему я не могу попробовать с ним связаться, тень-то его за мной шатается.

– Не можешь.

– Да, почему?

– Ты хоть немного изучал квантовую физику?

– Немного изучал, все зависит от того, насколько «немного» имеется в виду, – честно признался я, на всякий случай отвернувшись от Егора. Можно подумать, что эта: Ева – ее изучала, – даже обидно.

– Есть такая «квантовая ерунда», как – теория одного электрона. Первые полагали, что теоретически это объясняет, как информация, может, передаваться от одной частицы к другой быстрее скорости света: моментально. Во всей вселенной есть всего один электрон, а все остальное это – случайные колебания суперпозиции. «Квантовая ерундовина»

основана на предположении, что между людьми то же может быть, что-то наподобие подобной связи. Как и частицы люди могут связаны через время и пространство...эта связь, может быть прямой или обратной: это – паразиты идюли.

– Которые просто приписывают себе суперпозиции, – хмыкнул я. – Из всего того, что ты сейчас сказал, следует, что и я могу попробовать с ним связаться.

– Нет, – ответил Егор, – не можешь.

– Потому, что письма написаны Еве? А, может, он написал эти письма не ей, а нам, сама-то она к нему не придет. А, с дочерью я могу попробовать так связаться?

– У тебя, в общем, нет детей, – напомнил Егор, – у тебя даже девушки, кажется, ни когда не было.

– У него то же не было детей, чертовы недокороли, придумали х... какую-то. Подожди, я понял: эти недокорогли, они так же связаны с «идюлями». Если огребут те, то в конце – концов достанется и им. Они то же «идюли». Поэтому они ни чего и не делают.

А, еще это значит, что, если рассматривать как некую суперпозицию его самого, то выходит, что я могу связаться со своей дочерью.

– Ладно, может, попробуем, – отмахнулся Егор. – Только кого ты там сейчас собрался рассматривать как суперпозицию? Мне что-то непонятно. У этого «его», наверно, имя есть? – вот, уже в открытую издевается. – Давай, давай, я знаю, что у тебя какой-то нездоровый бзик на эту тему. По

части имен...

На мгновение я ощутил, как легкий холодок пробирается по спине, как по рукам ползут мурашки и, наверное, даже, что-то даже легкого страха. И впрямь нездоровая какая-то ерунда. Чего я боюсь-то? Расстаться со своим скепсисом? Это не так просто. Я готов поверить, что существует какая-то квантовая технология, с помощью которой можно связаться с человеком, живущим в другом времени, но, кажется, до сих пор – не готов назвать его по имени. Я не готов поверить, в то, что за мной шатается не плод моей собственной фантазии, а призрак? Нет, призраков не существует, «квантовое состояние».

Не, я так ни когда ни к чему не приду. Нужно по другому. Тогда, давно, в то время, живой, обычный человек, которого звали...

– Ромул, – выдохнул я.

– Сказал, прямо таким тоном, как будто демона собрался призвать, – хмыкнул собеседник. – Древнеримский царь? Или какой-то другой Ромул? Ладно, – хмыкнул он, искоса взглянув на меня. – И, так прогресс. Какое-то время мы стараемся не называть теней по имени, потому что в них не верим и избегаем собственного, просто потому что не привыкли к его звучанию.

И, что такого в этом Ромуле?

– Не знаю, – отмахнулся я, нашел кого спросить. – Вы сами говорите, что пока он плохой они – хорошие. Значит, что-

то есть. Реинкарнация Ромула? У него то же была тень? Да, не знаю я! Подожди, я понял: Лиза говорила, что «квантовое состояние» идиюлей движется назад во времени. Он должен был стать кем-то, что помешало бы идиюлям, но, этим кем-то он так и не стал. Выходит, что идиюли, «приписали» себе его позицию? Место в жизни? Что-то еще? Так?

– Ну, в общем – так.

– А, на него списали то, что натворили сами. Поэтому надо доказать, что он был невиновен, что бы они отдали то, что им... и так не принадлежит?

– Только не думай, что идиюлей совесть мучает и они спят и видят как вернуть все на свои места. Готов попытаться разобраться дальше в деле Ромула?

– Не сейчас, – я отрицательно покачал головой. Ну, не готов я. Не знаю почему, просто не готов. И, это я еще не знал, что ровно с того дня, мне, довольно часто начнет сниться один и тот же странный сон про спящего человека. Что в нем странного? Не знаю, просто странно. На моем диване спал какой-то человек, больше похожий на разлагающийся труп. Но, кто-то усердно убеждал меня, что он вовсе не мертв, он просто спит. Но, сон его разума способен породить самых страшных из всевозможных чудовищ. Тут я начинал злиться на идиюль, которые все говорят наоборот и человек вовсе не похож на спящего.

Спящий же становится больше похожим на человека. Его глаза начинают двигаться под закрытыми веками. Он вздра-

гивает, кажется, ему снится кошмар. Он открывает глаза и тут я просыпаюсь.

– Хватит тянуть, – посоветовал Егор, – времени и так уже нет.

Я знаю, знаю, просто немного позже, – ну, не понимаю я этих знаков, черт. Это бессмыслица какая-то. Не понимаю на что нужно обращать внимания. Пытаешься выделить что-то одно, ускользают многое. Пытаешься разобраться в деталях и вязнешь в них, переставая понимать в чем дело. Не признаюсь же я ему, что я и так уже какое-то время пытаюсь что-то понять. Но любая тория просто рассыпается. Ни одна зацепка ни куда не ведет. Свидетелей нет. Вина самого Ромула крайне спорная. По моему он скорее вел себя, как человек, который и сам толком не понимал, в чем, в общем, здесь дело. И, тень ни как не помогает, может он и сам до сих пор не знает. А, если так, то куда уж мне? – Рассказал бы побольше про то, как понимать эти ваши знаки, дурацкие. Может я и сам разберусь, ну, когда-нибудь... И, как вы, блин, тенями управляете? Этот, блин, ни чего не хочет делать.

– Это потому, что он думает, что ты – идиот, – вполне серьезно ответил Егор.

– Я то же так временами думаю, но это не помогает, – честно признался я.

– Научишься понимать, просто не сразу. Сразу это не приходит: нужно уметь обращать внимание на все, но понимать, что важнее.

Через тень можно научиться видеть и слышать. Но, мы ими не управляем и они не управляют нами. Мы не рабы и не хозяева. Тени приходят к тем кто равен им самим или противоположен, но равен. Перестанешь быть равным и «квантовое состояние» просто уйдет – в лучшем случае.

Но, так просто бывает далеко не всегда. Эти «квантовые состояния» могут быть и не так безобидны, как кажется. Как бы это странно не звучало, но первые предполагали, что в их среде есть какая-то иерархия. Каждое квантовое состояние оно не просто так – само по себе, а как-то связано с другими. Возможно, эта «квантовая фиговина» как ты говоришь, что-то нам все-таки прояснит. Ну, если мы все-таки заполучим, единственного оператора, который смог связаться с Ро-мулом.

– Ты обещал, хотя бы дать попробовать поговорить с дочерью, – напомнил я.

– Да, нет у тебя детей.

– Других дочерей у меня то же нет.

– Йокарные ж идиолы! Вместе с недоворами этими без бубенчатыми.

– Какими? – не понял я. При чем здесь бубенцы какие-то? – Без каких бубунцов?

– Без мужских, – шикнул Егор, – без каких еще? Если бы у них были хоть какие-то бубунцы: идиоль бы своих не покрывали и не перевешивали на других все их выходки. Не было бы всей этой Санта-Барбары, когда, по «ихнему» видишь ли

как-то считается кто кому сын, брат, сват – фиг разберешь. Но легче же всю эту ерунду нагородить, чем на более менее мужской поступок сподобиться. А, потом еще и врать, что это они страдали, а вовсе ни кто либо другой. Страдальцы...

Гневные тирады вовсе не приближали меня к разговору с моей дочерью: – Так, что надо сделать? – перебил я его.

– Ты ни чего не делаешь, тень злится, рано или поздно тебя поглотит его ярость. Речь уже не о том, произойдет это или нет. А, о том – когда произойдет. Поскольку у илюль все наоборот, то они, ну, хоть понятно, почему, считают, что те кем они пожертвовали ради собственного блага, их квантовые формы – очень, блин, добрые.

На самом деле это – ни фига не так. Их пожирает ярость, а Ромул – это и вовсе воплощение этой ярости.

– Я понял, – кивнул я, – ладно, давай начнем изучать дело Ромула.

Может хоть это, хоть немного приблизит меня к ней. Имя Ромула по прежнему звучит как-то странно, не привычно.

– Извините, ребята, – вы комнату вошла Лиза. – Срочный разговор.

Глава 4. Пиксельный паладин

Получить повышение на работе, не имея специального образования можно было множеством способов. Но, кажется, все новички всегда выбирали одно и то же.

Тестировщики или «ловцы багов» – это те, кто просмотрел сотни чужих воспоминаний: свадеб, помолвок, праздников, вечеринок и так далее. Со временем превращались в тестировщиков – аналитиков, которые уже разбирались в системе лучше, чем сами ее создатели. Как уже и так понятно из названия они не только выявляли баги, но и прекрасно разбирались в причинах их возникновения. Некоторые начали себя именовать «квантовыми психологами» – свою задачей считали: объяснить или выявить объективные причины любого отклонения от шкалы наибольшей вероятности через психологию проекций.

«Детективы» – не заморачивались ни багами, ни их объяснением, ни чем либо еще. С переменным успехом были заняты раскрытием преступлений в уже созданных «зонах наблюдения». И для всех них до сих пор не раскрытое «дело Сомовых» стало своего рода и святым граалем и камнем преткновения.

Оказалось, что любые попытки воспроизвести день Романа всегда приводили к ошибке номер «с» двадцать четыре. Ошибка привязки, места, действия с «а» семнадцать по «с»

двадцать четыре, названные «ошибкой Романа». Эта ошибка приводила к тому, что где-то терялась часть дня Зои, Дениса и Сомовых старших. «Ошибка Романа» превращала раскрытие преступления в невыполнимую миссию с бесконечными перезагрузками системы и таким же бесконечным переделыванием исходного кода. «Ошибка Романа» возникала, когда системе было абсолютно точно и достоверно известно, где конкретно должна находиться проекция в определенное время, но как конкретно эта самая проекция там оказалась совершенно не понятно, так как ни одна из вероятностей подобного развития событий не предусматривала.

Еще одна неизвестная ошибка – «несуществующий гость» дома Сомовых, даже после всех переделок система продолжала настаивать, что в доме Сомовых в тот день был кто-то еще. А поскольку этого «кого-то» ни кто не видел, то и сама система не знает кто это.

«Зависание» системы всегда в одно и то же время – причины сбоя не выявлены.

Ну, и конечно же Кротушь. Не смотря на все старания восстановить его день так и не удалось. Почему? Из-за «ошибки Кротуша» разумеется. Это, что-то вроде разновидности «ошибки Романа», которая приводила к тому, что день Кротуша всегда развивался по абсолютно разным сценариям. В большинстве из них Кротушь даже не добирался до города.

Добавим ко всему этому «сектантов», пропавших без вести людей, так или иначе связанных с делом Сомовых,

и крайне сомнительное расследование Анны, которое буквально свелось к одержимости компьютерной игрой.

Уже после того, как без вести пропала и сама Анна, Афина перевелась в другой отдел, занималась исключительно выявлением багов системы и о деле Сомовых и слышать ни чего не желала. Еще один член ее команды подался в детективы, а другой стал одним из первых «квантовых психологов». Общался он только с определенным кругом лиц и на вопросы новичка, вроде Евы, и вовсе не обращал внимания.

Что случилось с самой Анной понять то же не представлялось возможным. Может быть и ни чего. Известно лишь, что она выехала из одного населенного пункта и так и не добралась до другого. Обычно система учитывает лишь наиболее вероятные сценарии развития событий, но поскольку ни каких конкретных данных нет – день Анны всегда развивался по разному. Да, это – «ошибка Кротуша».

Этот Кротушь, в общем, странный парень, Еве он казался, каким-то не настоящим, что ли. Не было толком понятно ни откуда он взялся, ни куда ехал, ни как был связан со всеми этими событиями и связан ли он с ними, в общем, хоть как-то. И характеризовали его знакомые то же весьма странно: гений, общительный, добрый парень, шизанутый, злобный аутист.

Что-то все-таки не так во всей этой истории. Может, его и не существовало вовсе? С какой конкретно стороны подступиться ко всему этому? И, зачем оно ей надо? Потому что

какой-то «Шаман» ее попросил? Вернее, он ее вроде бы как нанял? Ну, тогда пусть платит. Потому что Анна была ее подругой? В общем – то, не была. Есть хоть один шанс, что она сумеет раскрыть это дело? Нет. Ни кто не сумел, так куда уж ей. Нынче и ее саму можно назвать просто: шизанутой, злобной аутисткой.

Обычно примерно тут Ева обещала сама себе, что больше не будет страдать фигней, тратить время не пойми на что и строить из себя детектива. Но, буквально всего через пару дней интерес к делу Сомовых возвращался и она вновь проводила длинные вечера за изучением системного кода, багов, улик.

Как-то вспомнила и про странную смс, Аня была буквально помешана на одной компьютерной игре и на деле Сомовых. Значит, есть вероятность, что это как-то связано либо с тем либо с другим. Нет, не так. Аня была помешана на деле Сомовых, и ее интерес к той компьютерной игре был связан именно с этим. Если смс действительно от нее, то это то же как-то с со всем этим связано, ну, теоретически. Почему она отправила это смс именно ей, конечно не понятно. Но, видимо, во всяком случае, с точки зрения Анны в этом все-таки был какой-то смысл. Жаль не понятно какой именно... потому как именно ей, набор этих цифр, ни чего не говорит. Хотя...нет. Если привести запись цифр к определенному виду, то это похоже на – координаты? Не обычные конечно, координаты внутри «зоны наблюдения». В «зоне на-

блюдения» координаты имеют другой вид, это: персональный номер проекции по которому ее можно отследить, описание «зоны наблюдения» и вероятность того или иного события. Названия «Зоны наблюдения» нет, индивидуального номера – нет, что тогда вот это вот за цифры, то же не понятно, но все же это координаты из системы. Ну, зная Аню можно предположить, что «зона наблюдения» – это город в котором жили Сомовы.

Если у нее была возможность отправить какую-то сложно-мудреную смс, то почему она отправила координаты из системы, а, например, не собственные? Спустя всего несколько лет до Евы все-таки же дошло, что это – все-таки координаты. Нда, видимо, могло быть и хуже...

Ева весь вечер пыталась понять, как найти что-то по этим координатам, но так ни к чему и не пришла. Нет, способ, конечно, есть, просто она в этом почти ни чего не понимает. Значит, ей нужен кто-то кто понимает.

Ева обратилась к девушке из своего отдела, та давно работала в компании и в отличие от Евы действительно что-то понимала: – Знаешь, это похоже на универсальную координату, – хмыкнула в ответ та. – Эта координата, которая не привязана ни к одной проекции, но привязана к какому-то месту и описывает вероятность событий происходящих или не происходящих в месте привязки за определенный промежуток времени.

В любой «зоне наблюдения», все... воспоминания привя-

заны к проекциям.

Это сложная координата, слушай мне некогда, статьи почитай. Такие координаты создаются системой, из сопоставления, как ты говоришь «воспоминаний» проекций. Такие координаты создаются редко, откуда это? Что описывают эти координаты?

– Это связано с делом Сомовых, – прошептала Ева, отчаянно пытаясь сообразить стоит ли рассказывать больше. – Возможно, связано...

– Давай я кое кому отправлю эти координаты, может он заинтересуется.

– И, что за все время ни кому не пришло в голову, создать такую универсальную координату, что бы...

– Мне некогда, Ева, потом...

Какое время Ева ждала, что с ней кто-то хотя бы попытается связаться, но ни чего так и не произошло.

Уже, видимо, от нечего делать Ева вновь вспомнила про Яну. Как это не странно в архиве нашлась ее запись, только доступа у Евы к ней не было. Что бы получить доступ к записям архива нужно пройти повышение квалификации, ну, за что ей все это?

Самый легкий путь – это пройти курсы «квантового психологии».

Ева подала заявку на курсы «баголовов» – о чем, очень быстро пожалела, ведь в самом программном коде она почти ни чего не понимала. А вот «квантовой психологией»

немного все-таки увлеклась. Вскоре ей и впрямь начало казаться, что поведение проекций в меньшей мере зависит от воспоминаний человека и в большей от собственного психологического состояний самих проекций. Как бы это странно не звучало. Каждая проекция наделена собственным искусственным интеллектом и собственной «психикой», если можно так выразиться. Ни одна проекция не знает, что она – проекция и действуют они тем или иным способом, вовсе не потому, что это – воспоминания какого-то человека, а потому, что это их собственный выбор. Они: ели, смеялись, плакали и влюблялись сами, черт возьми. Но, при этом их как бы и не существует. Ведь они всего лишь часть самообучающегося искусственного интеллекта, который, кажется, и сам до сих пор толком не понимал поведение людей. Кажется, слухи о «зловредности» ИИ – все-таки имеют под собой некое основание.

Ева написала статью о своих выводах и отправила в несколько газет. К ее удивлению ее даже пригласили на работу, на пол ставки в маленькую заштатную газетенку стремящуюся привлечь внимание общественности к явлению «квантовой» или как здесь говорили «пиксельной» психологии.

Вот тут с ней и решил связаться Лев: «откуда у вас координаты? Что вы о них знаете?» Еще бы пол года подождал прежде чем у нее спросить. Когда она ему писала, то даже ответить не соизволил.

«Это – странная история» – подумав, ответила Ева. «Смс с номера Анны, как будто обновляемые системой, продолжали приходить, даже после того, как ее номер был уже отключен».

На следующий же день Еву перевели в отдел Льва. Раньше, она бы наверно переживала из-за встречи с ним, ну, а сейчас ей было все равно, нет, пожалуй она просто злилась. В ней не было одержимости Анны делом Сомовых, лишь периодически вспыхивал интерес, хотя и оставалось понимание – за все это время ни кто не смог раскрыть это собственно дело и она не сможет.

Она ведь давно писала Льву и про смс с телефона Анны в том числе, но когда это ей было нужно он не ответил, а теперь она и без него почти разобралась в чем дело, рано или поздно она все-таки поймет, что делать с этими координатами, пусть ей для это придется осилить курсы «баголовов». Да, ей не особо понятно, что значит это: «король из другой колоды» – за то понятно, что это кто-то из Сомовых.

– Мне нужно с вами поговорить, – это и есть Лев что ли? Нда, не так она себе его представляла, да и в журнале на фотографиях он симпатичнее выглядел, ну, ладно. К тому же она отчество вспомнить не может, Лев а дальше как? Ведь знала... ладно, если сам не представится – потом у кого-нибудь спросит. Поговорить ему с ней надо, а больше ему ни чего не надо? Так, это в слух лучше не говорить. Ты не мог раньше написать что ли? Так, это то же не пойдет. «Да, хоть

одна здравая мысль, желательно без мата и обвинений!» Не стой ноги она что ли встала? Сколько ей пришлось перелопатить, кхе... разбираться в коде, ради этой встречи. И, сейчас он, наверняка, скажет, что координаты – ни чего нового не откроют. Ева начала злиться еще больше.

– Я и до этого писала вам про эти координаты, – правда тогда она еще и сама не знала, что это – координаты.

– Ай, я и половины входящей корреспонденции не читаю, – отмахнулся Лев, врет, наверно. – Некогда. Ходить вокруг да около мне то же не когда, поэтому давайте я расскажу как было, – по имени он ее то же не называл, то же, наверно, забыл как ее зовут. Чего от этих мужиков еще ждать? Да, что с ней такое?

– Однажды один из тестов показал, что мы и сами проекции, а сам ИИ повел себя довольно странным образом. Гена после этого ушел в, – он на мгновение замолчал, кажется, подбирая более подходящее слово. – В отпуск. А, мы с Афиной поссорились, до сих пор помириться не можем. Афина решила, что это просто баг в системе.

– Вы думаете, что дело в квантовой психологии?

– Да, в психологии конкретной проекции, только вот ни кто не знает какой именно. Тогда Анна, которая понимала в системе меньше всех и предложила попробовать создать универсальную координату, которая не была бы привязана к какой-либо проекции. Но, эти координаты зависят от эффекта наблюдателя, если наблюдателя нет, то и...

– Места не существует?

– Можно и так сказать, – подумав, кивнул Лев. – А, потом, в один прекрасный момент Анна решила уехать в свой родной город, не сказав нам зачем, за то прихватив с собой эти координаты, за каким они бы ей там сдались? Все что я знаю, это: что ее брат пытался восстановить тот ее день, но причины установить не удалось, вероятно, она решила уехать, когда-то раньше. Возможно, это связано с той, дурацкой игрой, в реальность которой Анна верила, а может быть и нет. А, теперь эта координата оказывается у вчерашней стажерки, можно сказать, то же не понятно ни как, ни почему.

– Это какая-то обновляемая смс.

– Так не бывает, – отмахнулся Лев. – Или мне пора в... в отпуск.

– Но, так и было.

– Допустим, – Лев остановился возле окна. – Но, почему она прислала ее вам, а ни кому-нибудь другому?

– Я не знаю, – призналась Ева.

– Вы ее подруга? Близкий друг?

– Да нет, в общем – то, – пожала плечами Ева. – Мы учились вместе недолго, но друзьями... нас не назвать.

– Вы из того города?

– А, вы не знали? – обиделась Ева, как – будто бы он даже справки не навел.

– Знал, – кивнул Лев, – но, это ни чего не объясняет. И «Дело Сомовых» оно такое... когда вам кажется, что вы во

все разобрались и близки к ответу – все опять, запутывается. Кажется, что все странности просто нельзя учесть в одной версии, – хмыкнул Лев. – Но, кое что я вам все-таки покажу, пойдете. Просто что бы вы знали это дурацкое дело, с тех пор как я за него взялся, уже стоило мне: друга и девушки, личной жизни, да у меня теперь, в общем ни какой жизни нет. Я безвылазно торчу здесь пытаюсь объяснить не объяснимое, Афина гоняется за «призраком» в самом коде. Гена – он то же поверил в то, что та игра реальна. Он занят поисками артефактов, верит в то, что послание из конверта скрыто где-то в игре.

– «Конверт Кротуша»?

– Он самый, Кротушь всю дорогу таскался с этим конвертом, но когда приехал в город – конверта не было, его не нашли, ни в машине, ни в номере, ни где. Как бы не развивался его день, конверт просто бесследно пропадает где-то по пути.

Еще она проблема это – Роман. Где-то, видимо, изначально есть какая-то ошибка, она нарастает как снежный ком и все. В итоге это «пожирает» чуть ли не пол дня всех Сомовых. Ошибки начинаются с самого утра. В комнату Романа, например, нельзя зайти – ее, блин, не существует. Как бы мы не переписывали программу.

Потом, в официальной версии значилось, что Роман – во все не пришел на работу. Но Сева его всегда успешно доводит до работы, уже на работе Роман по телефону ссорится

со своей девушкой и утром собирается ехать к ней а не домой. Система с легкостью раскрывала дела, которые казались невероятно сложными и запутанными, но тут... до сих пор ни чего не добились.

Кабинет Льва оказался довольно скромным: календарь на стене, заваленный бумагами стол, несколько новых прототипов капсул, которые теперь выглядели просто как дужка от очков с наушниками.

– Смотрите, – Лев подошел к монитору, – это, то что скрыто в координатах. Но, проблема в том, что когда Анна уехала координаты еще не были готовы, а сама собрать недостающее она бы не смогла. Так, что, может, в общем, не она управляла вам сообщения.

– Тогда кто?

– Не знаю, – пожал плечами Лев. – Кто-то, кто разбирается в коде, видимо, даже лучше меня.

Комната, наверное, в доме Сомовых, правда Ева там ни разу не была, но, учитывая контекст разговора. Женщина похожая на тетю Розу подошла к шифоньеру, саму тютю Розу Ева видела всего пару раз, ну, вроде бы, это она.

– Брать плащ или нет? – спросила она у шифоньера, открыла дверцу, достала плащ, постояла так несколько мгновений, убрала плащ и вышла из комнаты. Мгновение, другое, ни чего не происходило, пустая комната.

– Вы же говорили, что важен эффект наблюдателя, – вспомнила Ева. – В комнате ни кого нет.

– Кто-то все-таки есть, – ответил Лев, – сейчас.

Из-за угла дивана вдруг вылетел футбольный мяч, с треском ударился об шифоньер и отлетел куда-то в сторону.

– Ни чего себе, – прошептала Ева.

В комнату заглянула тетя Роза: – Что за шум? Денис! Это опять твои выходки?

На этом воспроизводимый фрагмент закончился.

– Самое интересное, что в дне тети Розы этого нет, этот момент и еще несколько минут перекрывает «Ошибка Романа».

– То есть кто-то нашел способ избавиться от этого.

– Видимо, да.

– И, что так оно и было?

– Видимо, – как-то нехотя ответил Лев. – Позже, днем будет момент, когда тетя Роза выговаривает Денису за игру в мяч дома.

– Это, тот самый «неизвестный»?

– Я не знаю, – устало выдохнул Лев. – Теоретически, в системе иногда бывает нечто подобное. Если бы там кто-то был, то он бы определился в тот момент когда в комнату зашла тетя Роза, но этого, почему-то, не произошло. Это дело Сомовых, будь оно не ладно – с ним всегда все не так. И еще у меня для вас новости: завтра вам надлежит прийти на собеседование в новый отдел, деятельность которого частично засекречена.

– Вы сейчас серьезно? – не поверила Ева. Кажется, только

наметился какой-то прогресс, и ее тут же куда-то зачем-то переводят. – Почему я то? Я не собиралась ни куда переводиться...

– Они набирают операторов для работы с какой-то сверхновой системой, но им почти ни кто не подходит. Лично я не знаю ни кого, кто прошел бы туда собеседование, а я здесь знаю почти всех.

Обнадеживающая информация, нечего сказать. Остаток дня Ева заполняла невероятно нудные таблицы. Соотношение отклонения поведения проекций от наиболее вероятного из какой-то там зоны наблюдения. Просмотр фрагмента «воспоминания» – заполнение таблицы и так далее. Занятие оказалось настолько нудным, что в какой-то момент Ева даже задремала. Сон ей приснился очень странный: она вдруг вышла из шкафа в той самой комнате. При этом Ева осознавала себя и, кажется, даже понимала, что это сон. Только в том сне к нее не было тела. Комната – точная копия той, что она видела в доме Сомовых, только цвета какие-то не такие. Она вышла в коридор, если можно так сказать учитывая, что тела у нее не было. В коридоре лежал палас – в этом мире приглушенных тонов, только этот дурацкий палас почему-то был очень ярким. Даже проснувшись, Ева будет отлично помнить этот чертов ковер во всех деталях. А, еще какое – то абсолютно квадратное окно и, почему-то белую, квадратную лестницу. Она смотрела незасекреченные записи Анны, но не смогла вспомнить было ли в доме Сомовых

это квадратное окно, квадратная лестница и яркий, фиолетовый палас? Или это появилось только здесь и сейчас, в ее сне?

«Странно, я ведь отлично понимаю, что я сейчас сплю», – подумала Ева, – «Но, не понимаю, что делать?»

Ева зашла в соседнюю комнату и вновь вышла из шифоньера. «А вот это, еще более странно». Ева вновь проделала тот же путь и вновь оказалась возле шифоньера.

«Да, что б тебя! Ладно».

В этот раз Ева зашла в шифоньер и вышла в коридор офисного здания.

«О, как».

Она прошла по коридору и заглянув в первый попавшийся кабинет, обнаружила спящей за рабочим столом, себя. И себя она то же видела во всех деталях: волосинки на шее, синюю резинку на волосах. Над ней склонилась ее новоиспеченная коллега, которую, кажется, звали – Лина.

– Эй!

– Аах, – Ева проснулась, она отлично помнила весь сон и то, что только что видела себя со спины. По спине поползли мурашки, но в дверном проеме, естественно, ни кого не было.

– Что, кошмар приснился? – хмыкнула коллега, которая действительно стояла рядом. – Здесь всякой фигни насмотришься, мне потом то же кошмары снятся.

Знаю, работа у нас – нуднее не бывает, выйдешь в коридор

ни души, аж жутко. Не так я себе работу квантового психолога представляла – думала, что это интересно. В общем, если не в моготу, – тут она и сама зевнула, – выйди пройдишься до кафетерия. Кого-то из нашего отдела, наверно, только там встретить можно.

Пока Ева шла до кафетерия вспомнился странный сон. Ну, не кошмар, наверно, но жутко как-то, Весь сон не понятный и жуткий, особенно то, что она понимала, что она спит. Да, и день у нее был то же странный. «Ошибку Романа» можно как-то исправить? Как, просто как? Как Анна могла исправить координаты, она ведь даже в компьютерах ни чего не понимала, от слова совсем, так же, как и она сама. Может и впрямь не от нее это смс? Она, ведь, и раньше в этом сомневалась. Зачем, в общем, Анна стала бы пересылать ей числа из числа «П»? Хотя, может, она и не только ей их пересылала? Она бы очень хотела узнать ответы на эти вопросы, но прежде, чем она успела открыть рот и хоть что-то спросить, Лев перевел разговор в другое русло.

– О, привет, это ты новенькая, Ева, кажется? – в кафетерии к ней тут подсел незнакомый молодой человек. В обычной жизни она бы просто встала и пересела за другой столик. Ей хватило того, что она вот так вот, познакомилась с каким-то лысым чудиком, имя которого даже вспомнить не может.

– Да, – девушка кивнула.

– А, меня зовут – Егор.

Можно подумать ей есть до этого дело.

– Как вам работа в нашем отделе?

– Замечательно, – зевнув, ответила Ева, да ее даже сейчас спать тянет. Нет, она, конечно и не рассчитывала, что ее сразу же поставят во главе отдела или дадут собственную «зону наблюдения», ну, а остальное это – нудная до невозможности работа с таблицами, где она умудрилась задремать в первый же день. Ей, конечно, за это немного стыдно, да еще этот странный сон...

– Я слышал вас пригласили в новый отдел? – парень задал кофе бубликом, видимо, ему здесь то же весело работать.

– Нда, – нехотя ответила Ева, что он пристал к ней с расспросами? Его – то какое дело? – Что там такое сложное собеседование?

– Да, не то, что бы сложное, вопросы будут зависеть от вас... – со стороны лестницы послышался какой-то шум. Напоминающий удар мяча.

– Подождите, – встав, прошептала Ева, нет, конечно, это бред какой-то. Она это отлично понимала, но от страха перехватывало дыхание, а земля, при каждом шаге, угрожала уйти из под ног. Но, на лестничной площадке, Ева, естественно, ни кого не обнаружила, когда она вернулась к столику, Егора там то же не было.

Остаток дня тянулся неимоверно долго, потом, Ева наконец-то пошла домой, посмотрев какое-то дурацкое кино

уснула на диване, и ей вновь приснился странный сон, в котором она опять увидела себя со спины. Как – будто в комнату кто-то зашел, полу – прозрачная тень, просвечиваемая ночником, остановилась у дивана. Ева вновь видела себя со стороны: мгновение, другое – затем тень метнулась вперед, Ева в ужасе проснулась. Прейдя в себя, сходила на кухню попить воды, решила, что сегодня, пожалуй, она не будет выключать свет.

– Ну, может, скажешь хоть что-нибудь? – поторопил меня Егор. – Что ты жмешься, как певичка на сцене? Опять включился "бзик на имена"?

– Наверно, – пожал плечами я. Если честно я и сам не понимаю в чем дело: хоть я и считаю, что Ромул был невиновен, хотя бы просто в противовес «идюлям», но мне не просто о нем говорить, может, потому, что и сказать особо нечего. Еще я бы очень хотел связаться со своей не дочерью, но боялся того, что мог от нее услышать.

– Хватит уже тянуть! – шикнул на меня Егор. – Тебе и так пора присвоить титул «мастера» по избеганию любых трудностей. Мы не бегаем от трудностей, не перекладываем все на кого-то другого, как «идюли».

Да, как мне ему объяснить, что я просто не знаю с чего начать?

– Не знаешь, с чего начать? – тут же переспросил Егор. – Давай начнем с простого, почему его, в общем, назвали Ро-

мул? Младший брат – Вася, сестра Флора, и...

И только этот дурацкий разговор отделял меня от моей не дочери.

– Его отца укусила волчица, когда тот заблудился в тайге. Улепетывая от которой он, все-таки сумел выйти на дорогу. А дома его ожидала новость о пополнении семейства. Суеверный родитель сразу же решил, что это – знак, что у него родится сын, и сразу же решил назвать его Ромул. Сам Ромул рассказывать эту историю не любил, и считал что родитель просто – сбрендил, – может, у него то же был «бзик» на имена? Я бы, пожалуй на этом и закончил рассказ, да уж, рассказчик из меня не важный... я даже не понимаю причину, по которой мне тяжело о нем говорить, пожалуй я просто предпочел бы этого не делать.

– Что было дальше? Каким было детство Ромула?

А, то он сам не знает – фиговым, что бы большего не сказать: – Отец разъезжал по командировкам, мать не обращала на Ромула внимания. Ромул был: сыт, одет, обут, но, можно сказать – предоставлен сам себе, им ни кто особо не занимался. другие дети его дразнили, что не удивительно, еще бы: Ромул Семенович – страшнее и врагу не пожелаешь имени.

Потом родился болезненный младший брат. Родители почти прописались в больнице – Ромула спихнули бабке. Которая только и делала, что выколачивала деньги из родителей Ромула, при этом всем знакомым всегда жаловалась, что

Ромула ей, только что на шею не посадили. Тратить на что – либо деньги бабка не любила: Ромул ходил в школу в разодранных ботинках и старой куртке. Его мать отлично знала, как у Ромула обстоят дела, но предпринимать какие-либо действия не спешила. В конце – концов Ромула забрали домой, но он так и остался чужим для семьи. И налаживать отношения ни с избалованными младшими братьями – сестрами, ни с родителями даже не собирался. Что то же не удивительно.

Отец пошел на повышение, дела в семье начали налаживаться в материальном смысле. Где-то примерно, тут Ромул и понял, как «много» они всей семьей значат для его отца. Избалованный до предела, младший брат разъезжал по курортам и заграницам, и, вроде, даже женился где-то по поддельному удостоверения, но, может это просто злые слухи и происки «идюлей». В общем, подальше от происков «злых идюлей» он больше ни куда не ездил.

Ромул вырос и поступил учиться в институт, естественно не в тот, студентом которого его предпочел бы видеть его отец. Поссорился с отцом и съехал в общежитие.

В институте Ромул проучился несколько лет с переменным успехом. У него всегда были проблемы с точными предметами, он был гуманитарием. И, была у него странная привычка – семестр отучиться кое как, но за «неделю» перед экзаменами «пропасть», набрав, при этом, в библиотеке кучу учебников, сдавал экзамены на отлично, даже те с которы-

ми у него были «проблемы». Так было и в тот раз: неделю просидел над кучей учебников в своей комнате, сдал экзамены. Друзья из того же института пригласили его отметить сие знаменательное событие на загородной, комфортабельной даче одного из них, как они, всегда и делали. Но, в этот раз Ромул отказался, именно в тот день ему надо было кого-то встретить, сказал, что может, приедет позже, а может и нет. Как дела пойдут. Ромул зачем-то ездил в другой город, его видела куча людей, вроде бы, уже вечером, он даже заглянул на другую вечеринку в общаге.

Ездил он, кстати, в тот самый город где жили Сомовы, — да, за все это время я слышал уже не мало о них, о деле которое невозможно раскрыть. И всегда задавался вопросом: при чем здесь Ромул? При чем здесь Сомовы? Я даже знаю, что для этого дела Даниил уже то же начал подыскивать «операторов» системы, он часто жаловался, что найти схожих операторов для Дениса и Анны, не составило труда, но подобрать человека, который был бы схож характером с Севой или Романом, оказалось непросто.

— А, вот его друзей на той даче кто-то убил, выжил только один и тот погиб позже в больнице не успев дать ни каких показаний. На Ромула ни кто сразу и не подумал, у него было алиби, но спустя пару дней он, зачем-то сам пришел в полицейский участок и признался в убийстве друзей, то же не понятно зачем. С одной стороны, он знал какие-то подробности, которые мог знать только убийца. С другой не было

понятно ни как он туда попал, ни как уехал, ни зачем ему вдруг понадобилось их убивать. На этот вопрос он всегда отвечал по разному. Как я тут недавно понял, так поступают люди, которые просто не знают настоящих причин чего-либо. И, не узнай я про «идюлей» еще долго бы гадал, что здесь с местными не так.

С алиби то же начала твориться какая-то ерунда, некоторые из общаги, вдруг вспомнили, что они не видели Ромула, на самом деле в тот вечер.

Несмотря на все не стыковки, Ромула, каким-то образом, все-таки посадили. Правда в тюрьме он начал заявлять, что он невиновен, но, ведь в тюрьме так все говорят. Доказать он этого не смог. Умер он то же странно от внезапной аллергии непонятно на что. Женат он не был, детей у него не было.

– Ну, и? Ты считаешь, что он был виновен? – спросил Егор.

– Я в этом сомневаюсь, – честно ответил я. – Это, в общем, какая-то странная история... по этому делу сложно найти что – то более менее вразумительное. Нет ни деталей, ни логики. Может, я и не считаю, что он был виновен, но, не представляю, как доказать обратное.

– Поэтому мы просто узнаем, – пожал плечами Даниил.

– Ты же говорил, что нельзя выбрать время, в которое мы отправляемся, – вспомнил я.

– Нельзя, – кивнул он. – Ну, теоретически, мы рано или поздно просто попадем в нужный момент. Может быть...

– Лет через пятьдесят?

– Ну, лучше плана у нас все равно нет, – фальшиво улыбнулся Егор. – Ты прошел тест на психологическую совместимость со своей не дочерью?

Да, – нехотя признался я. – Около восьмидесяти процентов, – как мне объяснила Лиза: этого мало. Меньше критически важной отметки. Если бы мы искали операторов для связи с ней, то меня бы не взяли. Поэтому я с нетерпением ждал прохождения того же теста Евой, мы даже ставки делали, на процентное совпадение. Не угадал ни кто: Ева и Ромул были психологически совместимы меньше, чем на тридцать процентов. Если провести тестирование двух случайных людей на психологическую совместимость друг с другом – выйдет и то больше. Если бы Ева и Ромул как – то умудрились встретиться в реальной жизни, то им было просто не о чем и поговорить.

– Может быть пора вспомнить, что в письме, Ромул называл Еву: «вздорной, сбрендившей феминисткой» и «злойной, упертой ведьмой»? – как бы между прочим спросила Лиза, изучая результаты теста. – И, поискать кого-нибудь другого?

– Нет у нас на это времени, – хмыкнул Егор. – Мы несколько лет подготавливали сознание Евы, пусть она об этом и не знает. Я не готов вот так все бросить. И искать где-то кого-то другого. К тому же расклад от этого не меняется: Ромул написал письмо Еве, а ни кому-нибудь другому.

– Лиза, – Даниил сидел в кресле напротив, казалось, временами его взгляд проваливается в пустоту. – Что будет если мы отправим, считай в сознание Ромула, некое «существо», которое на него кардинально не похоже?

– Война будет, – коротко ответила девушка, не отрываясь от созерцания бумаг. – Например: типы темперамента, черты характера, к примеру, меланхоликов могут не совпадать, но, в большинстве случаев совпадают общие ответные реакции на те или иные внешние раздражители.

Я то же не особо понимаю, как работает эта «фигня» со временем, но, понимаю, что люди с очень высокой психологической совместимостью, в каких-то раздражающих ситуациях, могут действовать примерно одинокого. И наоборот: с низкой психологической совместимостью – будут выбирать разные пути разрешения тех или иных ситуаций. Ромул будет слышать и воспринимать Еву, как некий «внутренний голос».

– Мы решили употреблять термин «советник», – напомнил Егор.

– Ну, в общем да, этакий невидимый «советник» – перераздразнила его Лиза. – А, вот теперь представь, что они психологически не совместимы...

– Ты, хочешь сказать, что Ромул в итоге превратится в «вздорного феминиста»? – рассмеялся Егор.

– Не за день и не за два, но в общем... правильно мыслишь. Только не забывай, что Ромул написал письмо в про-

шлом, у нас есть его полный психологический профиль, они с Евой не совместимы, так что феминистом он не стал...

– Погоди – ка, – засомневался я, – что если Ромул написал письмо не в прошлом, а в бушующем.

– Поясни.

– У нас есть психологический профиль того Ромула, каким он был, в детстве и юношестве, что если потом его характер начал меняться и окончательно изменился уже после? Мы еще не отправили в прошлое Еву, а значит объясняем любые изменения в его поведении ни «неким существом», а, как это сказать: какими-то факторами?

– Он прав, – признала Лиза, – сейчас их психологическая совместимость менее тридцати процентов, мы проведем еще тест, когда-нибудь потом и посмотрим, станет ли Ромул...феменистичнее?

Но, выходит, что... «советник», получит, можно сказать «реальный рычаг» благодаря которому она сможет так или иначе изменить характер Ромула и в некоторой степени влиять на прошлое?

– Хочешь сказать – изменить прошлое? – фыркнула Лиза. – Не забывай, что это – наше настоящее и мы уже здесь, такие, какие есть.

– Вы только что сами сказали, что этого еще не было! – запротестовал Егор. – Теперь я, наконец-то, понял, почему мы ищем практически идентичных психологически людей – они не смогут ни чего изменить! Их реакции практически

одинаковы, а мы просто узнаем достоверное прошлое.

– Да, что ты взъелся? – Лиза отложила отчеты в сторону, – в настоящем Ромул мертв, у него почти не было друзей, он не был женат, у него не было детей. Сам Ромул ни на какие глобальные процессы повлиять не мог, он оказался в тюрьме, вероятнее всего по ложному обвинению, в достаточно юном возрасте. Ну, может быть, благодаря влиянию Евы он действительно станет более, не знаю, упрямым, ну и что? Мы же не на президента, блин, пытаемся повлиять.

– Как на счет теории, что Ромул должен был кем-то стать, но не стал, а сел в тюрьму, идиот...

– Не стал, – коротко ответила Лиза. – Мы же не ядерную бомбу в прошлое решили отправить.

– Да, как сказать, – не согласился Егор. – Выходит, что если Ева сумеет что – либо изменить, то изменения произойдут после?

– Если мы так уже делали, чему свидетельством является письмо, то они уже произошли, успокойся.

– Нда, главное, вон, пусть этот, – Даниил кивнул в мою сторону, – бзик на имена, пусть не показывается.

Нет, я, конечно, следил за экспериментом из соседней комнаты. После того, как Ева подписала кучу бумаг о неразглашении, Лиза сказала ей, во всяком случае, часть правды.

– У нас в отделе экспериментальные капсулы нового поколения, типа: «Феникс». Действие отличается от тех, что в институте. У каждой, – тут Лиза выждала паузу, – «проекции»,

может быть только один, свой оператор. «Феникс» создаст «зоны наблюдения» спонтанно, у нас были случаи когда операторы попадали в дни, до рождения «проекции». Цель нашего проекта изучение психики конкретных людей, прогнозирование их поведения, раскрытие преступлений, если получится.

С завтрашнего дня у вас начинается обучающий период взаимодействия с системой «Феникса». Часть работы: отслеживание контактов проекции, формирование интересов, и самое главное ответить на вопрос, где и когда в жизни «проекции» появились так называемые, – Лиза снова сделала паузу, но, видимо, формулировки лучше, так и не нашла: – «идюли».

– Кто? – переспросила Ева, наверно, отчаянно пытаюсь припомнить данный термин.

– Это люди, которые все говорят и делают наоборот. Врут, намеренно путают понятия, склоняют к преступлениям, покрывают беззаконие, в общем, у каждого есть такие знакомые. В прежние времена говорили что-то вроде: «дурная компания», но «идюли» давно переросли этот термин, не в лучшую сторону.

Имя проекции за которой вы будете наблюдать – Ромул...

– Он не русский? – удивилась Ева, у нее не очень хорошо и иностранными языками. – Это прозвище? А, имя?

– Нет, это – имя, – успокоила ее Лиза, – Ромул. Он русский, был русским. Он погиб в тюрьме, не так давно, в ко-

торой оказался по обвинению в преступлении, которое, как мы полагаем, он не совершал. Но, доказать это без участия самого Ромула, видимо, не получится, спасибо «идюлям».

«Феникс» – система нового поколения, которая позволит вам не только связаться с нами из «зоны наблюдения», но и связаться с проекцией.

– Да, ладно? – удивилась Ева, – можно просто спросить, о чем-то этого... Ромула?

– Нда, – кивнула Лиза, в очередной раз взглянув на часы, на стене. – Только не думайте, что он с радостью и честно ответит на все вопросы. Если вас «призрак из пустоты» вдруг начнет о чем-то спрашивать, вы то же не в восторг придете. «Операторы» годами налаживают более – менее доверительные отношения с «проекциями», и не всегда выходит. В случае, если вы окончательно утратите доверие Ромула – мы начнем для него поиск другого оператора.

– Но, выходит, что если я сумею, как-то наладить с ним общение в какой-то день, то потом могу на долго оказаться в периодах времени, до нашей встречи? Когда он даже не знает, что я существую?

– Да, – кивнула Лиза. – Это минусы системы, в будущем, мы намеренны их исправить. Но, сейчас всегда стоит помнить: ваше понимание течение времени будет отличаться от его восприятия.

Глава 5. Демон-фея-крестная

«Странная работа», – думала Ева по дороге домой. – «Как в общем общаться с человеком, который сегодня юноша, завтра старик, а после завтра даже не знает, что я существую? Ощущения то же странные какие-то: то ли я демоном на работу устроилась, то ли – фея-крестная. Что делать то же совершенно не понятно, но об этом лучше ни кому не говорить».

Ева пришла домой, пообедала, почитала книжку, ей вновь показалось, что она видела тень. В последнее время тень ведет странно, более агрессивно, что ли. Оно по прежнему не дает ей ни с кем общаться, даже весьма мимолетный интерес к противоположному полу, заканчивался тем, что можно было бы назвать «истерикой» со стороны тени. В доме начинала происходить какая-то чертовщина, не иначе: полы скрипели, будто там кто – то ходил, все везде шуршало и гремело, падали предметы. И так бывало исключительно в те дни, когда Ева кем-то интересовалась, считала кого-то симпатичным. Глупо, наверно, звучит. Но, если Ева не обращала ни какого внимания внимания на противоположный пол и то дома ни чего подобного не происходило.

– Сгинь, тварь лысая! – прошипела Ева, бросив в тень тапком. Тапок благополучно долетел до стены, знать бы хоть эта тварь реально существует или она просто так тапками рас-

кидывается?

С одной стороны она, вроде бы, уверена в существовании тени, с другой – ну, это же бред. И, винить во всем того парня, то же, вроде бы глупо. Или нет? Может, она просто разочаровалась в мужчинах, после развода?

Если мужчины называют в честь женщин звезды, то она бы в честь бывшего назвала истукана с острова Пасхи. Делал он все равно ровно столько же – ни чего. Сидел на диване и смотрел в телевизор – за то всегда и при любой погоде. Ах, ну да: гадил по дому еще, то же не независимо от погоды. Временами разевал хавальник требуя жрать – вот и все его достижения. Если «другая жизнь» все-таки есть, то пусть ему в ней достанется такая же жена, каким он был мужем.

Ни романтики, ни чего, Ева просто куда-то выкинула из своей жизни десять лет, без конца торчала у плиты и собирала носки по комнатам. Однажды плюнув ему в очередной носок, Ева собрала вещи и ушла. Лучше быть просто одной...

Потом откуда-то взялась эта дурацкая тень, будь она не ладна. Которая «закатывала истерики», даже за мимолетный взгляд на противоположный пол. «Жизнь прекрасна», прямо определено...

Покопавшись в интернете Ева, ни на что особо не надеясь, устроила обряд экзорцизма. Судя по всему – не помогло.

Ночью опять приснился странный сон: она ехала куда-то, с какой-то, казавшейся смутно знакомой девушкой, лет двадцати. Она говорила, про какие-то видения, какие-то знаки,

потом они оказались в какой-то шикарно обставленной комнате, с выходом на террасу, мраморными полами, бархатными, синими портьерами и какими-то пестрыми обоями. Девушка, которая была с ней вдруг пропала, а в углу комнаты, так же – вдруг появилась непропорционально худощавая девочка. И начала что-то рассказывать про какие-то знаки с того момента, на котором остановилась внезапно пропавшая девушка. Ева какое-то время не могла понять, что это за девочка и откуда она здесь, в общем, взялась:

– Зоя, – прошептала Ева, поняв, что это именно она. – Откуда ты здесь, Зоя? – Ева, наконец-то поняла, что это сон, вспомнила историю Сомовых и то, что Зоя давно мертва и перепугавшись проснулась. Некоторое время, Ева просто сидела на кровати, оглядываясь по сторонам: нет ни мраморных полов, ни бархатных портьер – она просто дома. Ее сны все чуднее и чуднее...

Ева прибавила громкости на телевизоре, она оставляла его включенным на ночь, но убирала громкость – сейчас пожалуй, так спокойнее будет. Шло какое-то кино, несколько минут Ева пыталась понять сюжет, вроде бы успокоившись, Ева чертыхнулась, вспомнив, что ей утром на работу и отвернулась к стенке.

Кот, которого она звала просто «Серым», который все это время преспокойно дрых у нее в ногах, вдруг вскочил и проорав решительное «мяу», почти без разгона, зачем-то решил прыгнуть на шкаф. Вместе с коробкой, в которую Ева скла-

дывала всякую незначительную ерунду, сорвался со шкафа и убежал в коридор. Коробка с грохотом упала на пол, ее содержимое разлетелось по комнате.

– Черт бы тебя! – прошипела Ева и пошла включать свет.

Самая обычная коробка от чайника, который она уже выкинула, содержимое: синий, пасхальный краситель, оставшиеся пакетики с сушенными травами из аптеки, кусочки и полосочки оставшихся после ремонта самоклеящихся плиток под мрамор, кусок пластика, по форме похожий на ту самую террасу и вновь ее накрыло то чувство, когда земля уходит из под ног, а сознание проваливается в бездну. Что там про какие-то знаки ей во сне говорили? Вспомнить бы теперь...

Немного успокоившись Ева вспомнила, что буквально несколько дней назад перебирала содержимое этой коробки, что, видимо и стало причиной столь дурацкого сна. Даже, когда ей казалось, что рядом с диваном стоит тень – спалось ей как-то спокойнее и чертовщины снилось куда как меньше.

– Паршиво, праздники прошли паршиво, как и все прочие праздники в моей жизни! – прошипела моя не дочь, с подозрением вглядываясь в то место, где, видимо, по ее мнению находился я. Да, я говорил с ней уже некоторое время. Под любым предлогом оставаясь в институте после закрытия, спал по четыре часа в сутки и пил тоннами кофе. Мо-

жет, Лиза и прочие уже давно все поняли, а, может, и впрямь еще даже не догадывались, хотя – навряд ли.

Ее разговоры с «воображаемым» собеседником, могли длиться довольно долго. По скользку говорила, она, вроде бы, сама с собой – то и скрывать ни чего не пыталась.

Мне уже давно интересно, если я скажу ей, что я – реально существующий человек, а не придуманный ею самой собеседник, как она себя поведет? Как я должен объяснять ей странную степень родства «не дочь»? А, ну да это просто: духовная дочь однажды пришедшего ко мне духа Ромула, ну, это если я сам все правильно понял...

Либо Лиза сильно недоговаривала, либо и сама не знала, что «Феникс» может, создать что-то вроде копии квантового сознания и в настоящем времени. В общем, наши разговоры с не дочерью нужно было как-то по скорее перенести в реальный мир, вот только я понятия не имел, как в этом, реальном мире к ней подойти: – Привет, я тот самый выдуманый тобой собеседник, с которым ты часто и по долгу болтала обо всем и ни о чем. Сидя на кухне перед ноутбуком, рисуя свои картины или складывая алмазные мозаики.

Да, и тут она подумает, что я псих и извращенец... нда, как-то не так надо к девушкам подходить. Хотя, возможно, где-то в глубине души она и сама и сама понимает, что все-таки с кем-то говорит.

– Из-за тех, кого ты называешь «идюлями» и так раньше на работу не могла устроиться. Они распускали обо мне аб-

солютно нереальные слухи, мне в спину кричали что я девица легкого поведения, а я даже не понимала – почему меня оскорбляют, ведь я даже мужу ни разу не изменила... что б они сдохли все! Я написала, наверное, с десятков заявлений и ни по одному из них так и не было ни каких подвижек.

Наконец-то я кое-как устроилась на работу, проклятые «идюли» продолжают портить мне жизнь! Практически каждый день они приходят и начинают городить какую-то ахинею: они говорят, что я – падаль, а они это я, они, видите ли хорошие! Я серьезно говорю! Где здесь логика, в общем?!

Я, значит: падаль, разгульная женщина, болею сифилисом, а да из последнего – педофил еще. Прямо на праздник заявила какая-то мадама, обвинила меня в том, что я не понятно за что списываю деньги с карты ее сына, чека – то у нее нет. С менеджером поговорить, который мог найти в системе товарный чек она отказалась, ей же главное ни чек найти, а обвинить кого-то в чем-то. Потом заявила, что я – педофил, а в общем не удивлюсь если «идюли» и такие слухи про меня распускают. Они же мне говорят, что я многодетная мать – им же пофиг, что у меня нет детей! Я, блин, не рожала! Я, блин, даже беременной ни когда не угрожала мне, что бы я не смела писать заявление, потому, что у нее есть связи в прокуратуре, а у меня нет. Потому, что ее муж большая шишка в этом городе, а я никто – продавец из магазина. И ушла, счастливая, наверно, ведь она испохабила праздничное настроение, наверное, единственному честно-

му человеку, в этом «идюльном» городишке, ну, или одному из немногих...

– Я знаю, как это обидно, когда про тебя ни с того, ни с сего начинают гадости говорить. В свое время и я про себя не мало наслушался, правды в том то же почти не было.

– Да, что ты знаешь? Я тебя – придумала, что бы саму себя поддержать! От других – то поддержки фиг дождешься!

Вот, сейчас, она, точно не представляет, что мне то же обидно. Я – настоящий, не дочь, ну, увидь ты меня. Я, бы очень хотел поговорить с тобой, придумать способ подойти к тебе, желательно так, что бы ты не сочла меня уродом или психом. Но, зная тебя, я знаю, как это сложно...она добрая, милая, честная и отзывчивая, слишком уставшая от идюль нереальная стервоза.

– Даже эту жалкую поддержку я то же сама себе придумала, – на ее глазах навернулись слезы, она, конечно, не заплачет, сдержится. Я знаю, как тяжело, быть одному – ведь я всегда был один. – Я просто сижу здесь, всегда одна, ни куда не хожу и даже ни с кем не общаюсь, но слышу о себе только гадости: что я постоянно шатаюсь по клубам и так далее. К кому не обратись ни кто ни чего не делает, и в милицию заявления бесполезно писать – «илюли» просто скажут, что этого не говорили и все.

И, знаешь, этот разговор с той мадамой, мне кажется, что я помню больше, чем официальная версия. Кажется, она требовала, что бы я от чего-то отказалась а я была в каком-то

состоянии вроде транса. Как – будто она наговорила мне еще кучу гадостей, которых я не помню. А, да и кажется, еще я объявила войну итальянской мафии – впрочем не уверена, что это было в реальности...

– Зачем? – хмыкнул я.

– Не знаю! – шикнула на меня не дочь. – Я же вроде как в гипнотическом трансе войну итальянской мафии объявила, не особо помню ни зачем, ни почему, ни было ли это на самом деле. Но, потом, вроде бы слышала, что войну я им реально объявила... Может, и та мадама, мне реально гадостей наговорила, которые я вспомнить не могу? Может, она гипнотизер, или с ней, раз уж она такая шишка в нашем прои-дюльном городе, гипнотизер таскается? А, может и не было этого, ни чего?

Я только когда от других услышала про войну с мафией – вспомнила, что да, вроде так оно и было... хотя за каким бы мне понадобилось объявлять войну итальянской мафии? Что за бред!?! В нашей провинции и итальянцев то нет, ни то, что мафии, одни «идюли».

Общаясь с не дочерью я и сам, более – менее, наконец-то, начал понимать, кто такие «идюли». «Идюли» – это прежде всего ворье, но ворье – не обычное и они вполне искренне возмущаются, стоит обвинить их в воровстве. В ответ можно услышать вполне честное: «да я в жизни, ни у кого ни чего не своровал!» И, вполне возможно, что это правда. Но, все-таки «идюли» воры, правда воровать они умудряются то,

что своровать кажется невозможным: ваши личности, ваши жизни, и даже само ваше имя.

Там, в том, городе, где я жил по началу, я слышал, что порой люди назывались моим именем, нет они мне не тески, они просто называли мое имя и говорили, что это – их имя. Я не понимал, почему они так себя ведут, и что это за бред, теперь понимаю. Вот, тут, на сцену, по идее, должно выходить ворье в законе, как я понимаю, они нужны, как раз для того, что бы такого не было или не нужны вовсе. Но, где-то что-то пошло не так и я не удивлюсь, если окажется, что ворье в законе – то же просто идиоты. Ведь единственный недовор, которого я встречал, смел меня заверять, что это его, держали в казематах... вот, урод, точно идиот. Раз там все-таки держали меня, то выходит – я вор в законе, а это самозванец какой-то...

– А еще, помнишь я тебе говорила, про онлайн игру? – Помню, однажды лет десять назад, моя не дочь, в какой-то онлайн игре, да она игроман – есть у нее такое. Не азартный, во всяком случае уверяет, что на деньги она ни когда не играла. Но, в какой-нибудь онлайн игре может торчать сутки на пролет, раньше могла. Сейчас у нее это отошло в сторону рисования и алмазной вышивки. Так вот, в какой-то онлайн игре, она познакомилась с каким-то человеком, имени она его не знает, только ник (никнейм – игровое имя персонажа). Помнит, что у него был прямо: «гипнотический голос». Этот человек проявлял необычный интерес к ее жизни и не ме-

нее необычную осведомленность. Она рассказала, ему правду, о том, что когда-то ее изнасиловали, а мать насильника, начала распускать про нее слухи прямо на следующий день, что бы сыночка прикрыть. В милицию она заявлять не стала, просто напугавшись реакции своей матери, после смерти отца та начала впадать в истерики, без причин кидалась на нее с кулаками, считала, что местные ее преследуют, во всяком случае в этом, кажется, была права.

И, что та женщина все эти годы распускала про нее и, возможно, про ее мать слухи она узнала только недавно. Обращений в полицию она написала не мало, ни по одному не было ни каких сдвигов, по крайнее мерее одно заявление о «врачебной халатности» – попросту было проигнорировано. Не дочь считает, что та работница здравоохранения – вероятно, и есть мать насильника, ну, либо ее сподвижница или просто «идюля».

Заявление о «преследование» в полиции у нее даже не приняли. Сказали, что это она зачем-то преследует неизвестную ей женщину. В паре с мертвым отцом, который вовсе не умер, когда не дочери было тринадцать лет, и то же зачем-то преследует бедняжку. И, так бывает, когда хотя бы один полицейский – «идюля».

В общем она все рассказала и ей ни кто не помог. За то она помнит, что она была, как под гипнозом и кто-то ей гадостей наговорил.

– Тот упырь недоразвитый, который мне тогда не помог,

заявился ко мне на работу.

– От куда ты знаешь, что это был он? – удивился я. А, я не удивлюсь, если выйдет, что все нетопыри здесь ждивут...

– Он сам так сказал. Сказал, что в этот раз он мне все-таки поможет, спустя всего-то десять лет жизни в аду! Молодец, какой! Быстро – то как. Упырь позорный!

И, снова ни чего не произошло. Ни у одной местной твари так и не появилось совести, во всяком случае половина местных жителей прекрасно все знает. Но, продолжают защищать насильника. Они прямо – таки глохнут в прямом смысле, стоит им что-то подобное сказать.

Сильно подозреваю, что этот нетопырь, который приперся ко мне на работу и есть местный вор в законе, но это – не точно. Сам он этого не говорил. Это просто мои подозрения. Вспомнила он сказал, что-то про итальянскую мафию...

И, вот та тетенька, нехорошая, которая обвинила меня в педофилии, сказала, что она его жена. Уж, не знаю правда или она врет, мне то без разницы. Прада, может она про кого другого говорила? Я на покупателей тне глазею.

За то я то же помню, что была как в гипнозе и кажется она требовала, что бы я от чего-то отказалась. Вот, в педофилии какая-то женщина меня обвиняла точно, а остальное как в гипнозе – я не уверена было ли это или нет.

Я не говорю, что тогда, в игре то же она мне гадости говорила, я не знаю кто. Я их только по никам знала.

Еще какая-то «идюля» неадекватная, завила, что она пре-

красно знает, что ворье в законе, видите ли, прировняло меня к дочери какого-то там зека. Не знаю правда это или нет, потому что «идюли» всегда врут. Если они меня к кому-то приравнили то и я их к кому-то приравниваю.

Мой настоящий отец, даже в тюрьме ни сидел, он и законов – то не нарушал.

Ну, так вот: я погуглила, тот парень, чья я вроде как дочь, мертв. Его обвиняли в убийствах, но дело очень уж странное какое-то. Сказать по правде, зная про «идюль» и все остальное я сомневаюсь, что он был виновен. А, еще у него даже детей не было. Скажи на милость, как какой-то урод тупорылый может приравнять меня к дочери человека, у которого детей не было?

Ну, если она со мной после этого разговаривать не будет: – Не, дочь, это правда. Мне то же говорят, что ты моя дочь. А у меня ни то, что детей, у меня даже жены нет, я, вообще, младше тебя на пару лет.

Не дочь какое-то время молчала, отстраненно глядя перед собой, затем медленно повернула голову в сторону: – Ромул?